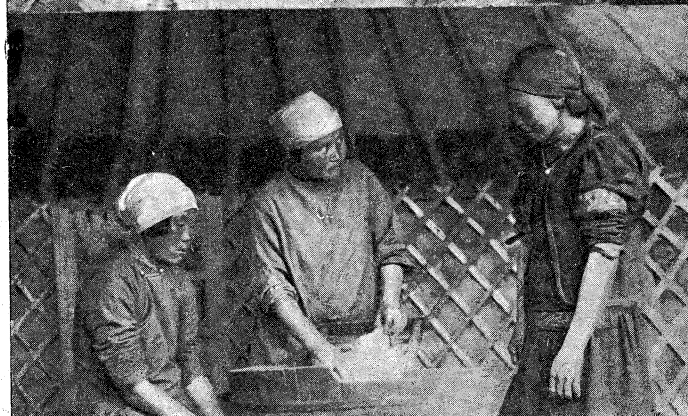

Q274131
34842

А.НУХРАТ

ЮРТЫ КОЧЕВКИ

К РАБОТЕ
ЖЕНСКИХ
КРАСНЫХ
ЮРТ

ЦЕНТРИЗДАТ — 1929

О Т А В Т О Р А .

Брошюра эта писалась на богатом материале о работе «красных юрт» в Казакстане. Для того чтобы несколько оживить инструктивную брошюру, формой изложения взяты записи инструктора, обследовавшего работу «красных юрт» в Казакстане. Взят Казакстан потому, что именно там наиболее широко развернута работа «красных юрт» и накоплен значительный опыт.

Хотя работа женских «юрт» в Казакстане поставлена очень не плохо, все же там, конечно, нет такой образцовой «юрты», какая приводится в брошюре. Писавший ставил себе задачей показать, как надо образцово работать, и поэтому обследованная «юрта» оказалась столь идеальной. В жизни пока, конечно, таких «юрт» нет.

Брошюра безусловно имеет свои недочеты, но при том большом голоде на пособия, который ощущается в женработе на Востоке, нужно надеяться, что книжка принесет некоторую пользу.

Брошюра может быть некоторым пособием и для работы женских красных уголков, саклей-читален и даже женских клубов. Эти женские политпросветучреждения, существующие на Востоке, отличаются друг от друга, главным образом, по форме, по существу же их работа в основном однородна.

Нужно надеяться, что товарищи, которые будут пользоваться в работе этой брошюрой, заметят ее недостатки и сообщат об этом автору для внесения исправлений.

1. ЗАДАЧИ «ЮРТ».

Мягко зеленели травы по обеим сторонам дороги. Тускло поблескивали рельсы, стучали колеса вагона, слабый ветерок дул в лицо. С голубого, без единой тучки, неба светило солнышко. Необъятно широко стелилась степь.

Я ехала из пыльной, душной и серой, без солнца, Москвы в широкие просторы Казакстана. После напряженной работы радовалась вынужденному безделью в поезде, с большим наслаждением впитывала в себя воздух и солнце, невольно удивляясь тому, что вот в степи такие прекрасные травы, такая полная весна, когда в Москве ее совсем не видно.

После нескольких дней езды я сошла с поезда в одном из окружных городов Казакстана. Город был небольшой и уютный, весь в зелени, с журчащими арыками под двойным рядом высоких и стройных тополей.

Здание окрисполкома и окружкома стояло на самой главной улице и было самым большим из всех жилых строений города. В окружкоме я встретилась с товарищами, которые, зная о моем приезде, уже поджидали меня. Мы условились, что на другой день утром рано, до жары, выедем в районы, чтобы посмотреть пару-другую женских «красных юрт».

Обследование и изучение работы женских «красных юрт» было главной задачей моей поездки в Казакстан, где впервые были организованы эти «юрты» и получили наибольшее распространение.

На утро, как только взошло солнце, мы погрузились на легковой автомобиль и, с шумом вылетев из просыпающегося города, ринулись в степь.

После 10—15 минут молчаливой езды мы (нас было, кроме шофера, трое — все работники среди женщин) заговорили о «красных юртах». Я своим вопросом первая нарушила молчание.

— Ну, как у вас дела с «красными юртами», т. Борисова? — обратилась я к одной из своих спутниц. — Оправдали ли они себя, заслужили ли общее признание и доверие?

На пути к
новым фор-
мам.

— О, да, мы можем торжествовать. Наши «юрты» дают прекрасные результаты и всеми признаны, — с живостью ответила она. — Вы не думайте, что это так просто далось. Консерватизма у нас еще достаточно, да и недоверие к женотделам тоже еще далеко не изжито. Когда мы впервые поставили вопрос об организации «красных юрт» у себя на коллегии отдела, то многие даже из наших работников с сомнением качали головой. А агитпроп окружкома нас прямо-таки высмеял — на нашей докладной записке по этому вопросу была наложена «дружеская» резолюция: «советую не фантазировать и крепче держаться делегатских собраний».

— А мы разве против делегатских собраний? — продолжала т. Борисова. — Нет и нет! Делегатские собрания у нас существуют и будут существовать в оседлых районах, но среди кочевников мы с ними совершенно бессильны. А между тем больше половины коренного населения в Казакстане ведут кочевой или полукочевой образ жизни, а по нашему округу почти все казакское население кочевое. Мы начали искать новых форм работы, которые можно было бы приспособить к кочевому образу жизни населения.

Тут в разговор вмешалась наша третья спутница, т. Карамбаева:

— Но к этому мы приступили только тогда, когда убедились в окончательной непригодности существовавших до этого форм нашей работы к условиям кочевых районов, — сказала она. — Мы в свое время имели делегатские собрания и в кочевых районах, но они у нас не работали. Обычно мы брали какую-нибудь из огромнейших наших волостей, об'езжали ближайшие к волостному центру аулы и проводили выборы делегатов. Первое собрание делегатов нам еще удавалось собрать, кое-где удавалось и второе. Но уже на второе собрание приезжало не больше половины делегатов, а третье собрание обычно оказывалось не состоявшимся. Причиной служили наши огромные расстояния, холод, отсутствие теплой одежды. В зимнюю стужу, при наших ветрах, по голой степи брести на собрание пешком за 20—30 верст совершенно невозможно. Впрочем и за 5 верст не всякий отваживался притти. Кончалась зима, наступала весна, мы вновь об'являли день делегатского собрания и опять никто не приходил. С наступлением весны население укочевывало на пастбища за сотни верст, наших делегатов проглатывала степь, а волженин-организатор обрекался на одиночество.

— Вы не пробовали развернуть работу делегатских собраний в тех аулах, где у вас находился волостной центр? — спросила я.

— К сожалению, у нас волостные центры в большинстве кочевых и полукочевых районов помещаются прямо в степи. Волостной центр — это 3-4 здания — волисполком, волком, милиция, кооператив и школа. Даже сотрудники живут или в кибитках, или тут же в канцелярии. Вот такая безнадежность и заставила нас искать новых форм. После некоторых размышлений мы вытащили на свет решение 3-го Всесоюзного совещания работников среди женщин Востока, где в резолюциях совещания и в решении ЦК ВКП(б) по итогам совещания *) черным по белому написано о необходимости организовать «передвижные кибитки» среди кочевниц. Однако никаких инструкций в нашем распоряжении не было, мы шли в этом деле ощупью. Работу нашу облегчило только то, что мы уже имели опыт работы женских клубов и красных уголков. Мы решили, что содержание работы «красных юрт» должно быть в основном аналогично работе женских клубов. Разница, по нашему мнению, заключалась лишь в том, что «красные юрты» должны быть передвижными, а клубы стоят на месте.

— Вы совершенно верно рассудили, — заметила я. — Женские клубы в условиях восточных и культурно-отсталых республик оказались самой лучшей формой работы. Они были наиболее приспособленными к бытовым условиям восточных районов. Благодаря тому, что клубы развертывали всю свою работу вокруг практических мероприятий, они дали наибольшие результаты.

Клубы.

В клубе женщина училась грамоте, приучалась читать газету, пользоваться книжкой. Получая в стенах клуба медицинскую помощь себе и детям, она постепенно отказывалась от многих суеверий и привыкала обращаться при всех заболеваниях в семье к медицинской помощи. В клубе женщина получала производственные навыки, приучалась к ремеслу, обучаясь в мастерских кройки и шитья, в трикотажных и ткацких артелях, которые имелись почти при всех клубах. Через клубы восточницы шли на фабрики и заводы, в канцелярию, на общественную работу и т. д. В клубах женщины узнавали о своих правах, здесь же им оказывалась правовая помощь. За последнее время через

*) См. материалы 3-го Всесоюзного совещания и сборник „Женские клубы“.

клубы проводится даже кооперирование женщин и организация их в коллективы. Женские клубы сыграли и продолжают играть огромнейшую роль в деле раскрепощения женщин Востока.

По линии работы женских клубов в таких районах, как Азербайджан, Узбекистан, Сев. Кавказ, мы имеем богатейший опыт, и, конечно, этот опыт необходимо широко использовать.

Партия поставила задачу подготовить массы трудящихся женщин к активному и сознательному участию в социалистическом строительстве. Для достижения этой задачи партия всю свою работу среди женщин направляет так, чтобы, во-первых, — через поднятие культурного уровня и политической сознательности женщин, во-вторых, — путем привития женщине практических знаний и навыков, дать ей широчайшую возможность участвовать в общественной работе и взяться за общественно-полезный труд. Будучи подготовлена работать в совете, в кооперации и на фабрике у станка или трудиться над улучшением и поднятием сельского хозяйства, над перестройкой быта, женщина становится живой, действенной, общественной единицей, строителем социализма.

Опыт работы женских клубов нам показывает, что клубы являются именно той формой, которая в наибольшей степени обеспечивает нам подготовку женщин к практическому участию в социалистическом строительстве. Поэтому-то мы и считаем женские клубы — лучшей формой работы, поэтому и нужно во всех видах политпросветработы среди женщин возможно шире использовать опыт работы женских клубов.

Задачи
«юрт».

— Когда мы в окружке доказывали необходимость организации «красных юрт» и ссылались, главным образом, на опыт клубов, — сказала т. Борисова, — мы, предполагая организовать «юрты», ставили перед ними следующие задачи:

Поднять культурный уровень женских масс. Привить им культурные навыки, организовывать их на борьбу с отсталостью и некультурностью, борьбу с грязью, нечистотой, заразными болезнями, смертностью детей и т. д. и т. п.

Дать политическое воспитание женским массам, вовлечь их в общественную работу, подготовить к работе в Совете и др. общественных организациях, мобилизовать широкие женские массы, их силу, энергию и инициативу на поддержку и помощь партии в деле социалистического строительства.

и
и
:-
:
1
)
Привить им навыки улучшенного ведения сельского хозяйства и вовлечь их в дело социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Эти задачи выдвигала сама жизнь. Кочевники-казаки живут в самых антисанитарных условиях. Не моют белья, посуды, сами не моются, не умеют беречься от разных болезней. Они сплошь неграмотны, в особенности женщины поголовно неграмотны. Советы в кочевых и полукочевых районах только-что начинают укрепляться, женщина к их работе почти не привлечена. Между тем, несмотря на 7-8 л. существования советской власти, женщина Казакстана все еще находится почти в том же бесправном положении, как и до революции. Существует калым, малолетние браки, многоженство и т. п. Успешно бороться с этим возможно только тогда, когда будут укреплены советы на местах, когда сами женщины будут работать в Совете.

В кочевом хозяйстве женский труд стоит на первом месте. На женщине почти все хозяйство. И вот, если мы хотим поднять хозяйство скотовода, улучшить его, втянуть и скотовода в строительство социалистического сектора нашего хозяйства, нам надо поднять культурный уровень женщины, научить ее на новых началах вести свое хозяйство, привить ей идеи коллективизации и механизации сельского хозяйства на основе обоседления его. Вот наша «юрта» и учит — мыть белье и ребятишек, печь хлеб, готовить хороший сыр и масло, ходить за скотом, сажать огороды, читать книжку, понимать задачи и практику кооперации, писать и даже думать и говорить учит женщин «юрта».

Организуя «юрты», мы знали, какие нас ожидают трудности... Повоевали мы за них крепко и все-таки добились решения окружкома на организацию «красных юрт». Нас поддержал секретарь окружкома и председатель окрисполкома. Дали нам кое-какие средства на это дело из местного бюджета, кое-что прислали из крайкома, да и Москва помогла. То было 2½ года тому назад, теперь мы в нашем округе имеем уже 12 «юрт», растем, как видите, довольно энергично. По всему Казакстану таких «красных юрт» уже стало около 100. Не все они, конечно, работают хорошо, но мы пока поставили себе задачей расти количественно и преуспеваем в этом. А вот с нынешнего года будем бить на качество. Работников для «юрт» готовим. Подсобные материалы стараемся достать, что нам удается очень трудно. Да и вообще недостатков у нас еще очень и очень много, вот сами увидите.

В таких разговорах прошло около 3 часов пути. Солнце довольно высоко поднялось на небе, и стало жарко. Наша машина шла мягко и быстро по большой степной дороге. Пылило невыносимо, мелкая едкая пыль забиралась в рот, в нос и засыпала глаза. По краям дороги стали чаще попадаться разбросанные кочевые аулы.

II. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ В РАБОТЕ «ЮРТ».

Внешний и
внутренний
вид «юрты».

Вскоре вдали на огромной степной долине затрепетал пламенный язычок красного флага, поднятого над белевшей «юртой».

— Вот и доезжаем, — радостно крикнула т. Карамбаева, протягивая руку по направлению этого флага. — Вон, наша «юрта». Ого, как трепещет и бьется красный флаг, далеко видно и, кажется, народу много — добавила она, щуя свои зоркие степные глаза.

Через полчаса мы уже подходили к «юрте» с флагом. Машина наша остановилась на дороге. «Юрта» стояла в стороне, на кочковатом лугу, удобной дороги к ней не было. Действительно, возле «юрты» была довольно большая толпа людей — мужчин и женщин. Нас заметили еще издали, и многие пошли нам навстречу, а большая группа детей в перегонки побежала к автомобилю посмотреть на диковинную машину — «шайтан-арбу» (шайтан-арба в переводе «чортова машина»).

«Красная юрта» стояла среди большой ровной долины, радиусом в 8—10 верст. Куда ни взглянешь, всюду были разбросаны группы юрт, жилища казаков-кочевников.

«Красная юрта» стояла почти в самом центральном пункте долины. От жилых юрт она резко отличалась своей величиной, праздничной белизной, покрывающей ее белой кошмой, красным полотном флага на вершине и множеством мелких ярких флажков, гирляндами опутавших ее. Такую «юрту» нельзя не заметить, мимо нее нельзя пройти равнодушно, такая «юрта» должна как магнит притягивать любопытных кочевников-скотоводов.

Вблизи «юрты» производила также очень благоприятное впечатление. Вход в «юрту» был завешан тяжелой и пестрой материей, над которой по кумачу тянулся лозунг, написанный на казакском языке. Он ласково звал в «юрту» к учебе, к новой светлой жизни.

Луг вокруг «юрты» был тщательно выравнен и содержался в чистоте. Сейчас на этой площадке было около 4-х десятков мужчин и женщин. Большинство из них окружило нас, оглядывая с большим любопытством. Из середины толпы вышла заведующая «юртой» — молодая девушка-казачка с длинными косами, в красном платке, туго перевязанном вокруг головы. Она радостно поздоровалась с нами и ввела в «юрту».

Там мы усадились на низких плетеных креслах, очень похожих на детские плетеные стулья, и принялись с любопытством разглядывать внутренность «юрты». Здесь все сияло чистотой и дышало уютом. Занавеской из светлой и плотной материи «юрта» была перегороджена на 2 части.

В одной, меньшей части стояла широкая лавка с изголовьем, окрашенная белой масляной краской, такие же 2 табуретки, маленький столик и небольшой шкаф для медикаментов. Это была медицинская консультация.

Во второй, большей половине «юрты» стояло несколько узеньких и не высоких скамеек и длинный с короткими ножками стол. Около самого входа «юрты» висела небольшая классная доска, рядом помещались висячие полки с небольшим количеством книг, всю остальную стену «юрты» занимали плакаты на русском, казакском и татарском языках, главным образом, на тему по охране материнства и младенчества и санитарии. Только один или 2 плаката, изданные Казакским Наркомземом, учили, как нужно беречь молодняк и разводить огород. Налево, в самом лучшем месте «юрты» был устроен уголок Ленина. На резной висячей полке завешенный красным шелком стоял небольшой бюст Ленина. Полка была украшена свежими цветами и травами.

Пол «юрты», ровный, посыпанный песком, был очень опрятен, всюду стояли плевательницы.

Несколько минут мы все молчали, увлеченные осмотром окружающей нас обстановки, затем мы взглянули друг на друга и, как будто сговорившись, сразу сказали вслух: «Хорошо».

Что у вас собственная «юрта» или арендованная? — спросила я у заведующей.

Собственное помеще-
ние.

— Да, собственная, совсем еще новенькая, — любознательно оглядев «юрту», ответила она. Купили только в апреле месяце у какого-то бая, разорили окрполитпросвет на 600 рублей. Я в «красной юрте» работаю второй год. Целый год мы бились с наемной «юртой», и

это очень неудобно. Каждый раз при переезде в новую кочевку волнуемся, найдется ли лишняя юрта в ауле, будет ли она подходящая. Чаще всего нам приходилось арендовать совершенно неподходящую юрту — маленькую, закопченную, покрытую полуразвалившимися кошмами. Раз мы даже попали под зависимость. Осенью нам пришлось стоять в небольшом полуседлом ауле. Мы сняли большую, чистую юрту у местного бая. Все было хорошо, но бай не разрешил нам перевести эту юрту со своего двора, и мы там остались. Открыли «красную юрту», развернули работу, женщины пошли очень охотно. Но через недельку количество посетительниц стало катастрофически падать. Мы в недоумении. Начали доискиваться причины, пошли по землянкам уговаривать женщин и узнали, что причина не в нас и не в женщинах, а в бае. Он, видите ли, в назначенное для собраний время выходил ко двору и на каждую проходящую к нам женщину набрасывался с упреками, с руганью и прогонял ее.

Узнав об этом и уговорив попрежнему ходить наших посетительниц, мы стали сами выходить навстречу женщинам и провожать их к «юрте». Бай ходил по двору, как туча, и что-то сердито ворчал себе под нос. Недели две мы работали спокойно. Вдруг в конце месяца нашего пребывания в юрте бай пришел к нам с требованием увеличить арендную плату. Мы платили ему в месяц 15 рублей, на этот раз он потребовал 30. Мы вынуждены были согласиться, но он, повидимому, этого не ожидал и через неделю вновь пришел к нам и стал говорить, что продешевил ценой и предложил нам платить ему 50 рублей в месяц. Тогда мы возмутились и накинулись на него с упреками и обвинениями в вымогательстве. Он тогда совсем освирипел и предложил нам немедленно освободить юрту. Он знал, что другой юрты в ауле нет и что мы или заплатим ему 50 руб., или уйдем совсем. Он, повидимому, только этого и добивался.

В тот же вечер я наняла верховую лошадь и поехала в волком. Но до волкома не доехала. В версте от аула я увидела 5-6 кибиток, и так как мне нужно было близко проехать от них, то я завернула к ним попить воды. Тут, разговорившись с узнавшими меня женщинами, я узнала, что у них есть почти свободная юрта. В ней жила старушка с 17-летним сыном, она могла перейти в юрту своего другого сына и сдать нам свою. Десять руб. месячной платы, предложенной мною, ее чрезвычайно обрадовали. При чем она согласилась от-

дать юрту в аул, обусловив, что через 2 месяца возьмет ее обратно. Я тут же нашла людей и верблюдов для перевозки юрты и, поставив ее на краю того аула, где мы уже работали, поскакала домой — перевезти обстановку

Мне кажется, что для успеха работы необходимо всем «красным юртам» иметь собственную кибитку.

— Совершенно верно, — заметила т. Борисова, — мы взяли твердый курс на приобретение собственных юрт, хотя это и дорого стоит, но себя в конце-концов вполне оправдает: ведь за аренду все равно приходится платить.

— Правильнее всего, конечно, закупать юрту до открытия, — сказала я. В Калмыцкой области так и делается. У них в прошлом году было 11 «юрт» и все они имели собственную кибитку. Кроме того, почти каждая «юрта» у них имела собственные передвижные средства. Они покупали верблюда и большую телегу. Конечно, это стоило им довольно дорого, так как приходилось в штате «юрты» иметь специального человека для ухода за верблюдом, раскладки «юрты» и т. д. Но в условиях Калмыкии иного выхода нет. Там население настолько бедное, что «красная юрта» не смогла бы найти себе помещение в калмыцких ставках. Там население живет очень разбросанно. «Красная юрта» кочует постоянно. На одном месте «юрта» стоит всего 2 недели, а потом переезжает в другое место. Так что им постоянно нужна перевозочная сила. Кроме того, с топливом и водой у них очень плохо, и возчику приходится искать воду для «юрты» и собирать топливо на очень далеких расстояниях.

— Простите, — прервала меня заведующая «юртой», — но мне кажется нецелесообразным так часто передвигаться с «юртой». Едва ли в течение 2-х недель работы «юрты» среди женщин можно от этого получить какие-либо заметные практические результаты. Опыт работы нашей «юрты» говорит о том, что на месте нужно стоять 3-4 месяца не меньше, этого и то недостаточно: как вы думаете — права ли я?

— Вы, конечно, правы, — ответила я. Но калмыцкие женотделки тоже по-своему правы. Они теперь уже переходят на систему более длительных кочевков. Но в прошлом году они стояли на месте только по 2 недели. У них было 6 кибиток, этого очень мало. Они разбросали их по своим кочевым районам, дали им определенный район и предложили обехать все населенные местности в каждом данном районе, с тем чтобы широко ознакомить население с работой «красных юрт», завое-

Сроки перекочевок.

вать им популярность. И они этого достигли. В своём письме т. Майорова из Калмыкии нам писала, что «юрта» пользуется большой симпатией населения. Кое-где население бесплатно перевозит «юрты», перед уходом «юрты» ходоки из дальних районов приезжают звать ее—«наша «юрта»—красивая и богатая невеста которую все сватают» — пишет она.

— У нас тоже уже песни начали о «юртах» петь — вмешалась в разговор т. Карамбаева. — В Караказском районе сами женщины сложили такую песню — «юрта, дающая казакской женщине выход из темноты, где ты?»

«Юрта» популярна не только среди женщин, но и среди мужчин, мужчины стали частыми посетителями наших «юрт»; они приходят в ликпункт, идут за лекарствами и обижаются, если мы им отказываем в медицинской помощи. Недавно из Акбалыкского района в окрисполком поступило письмо от скотоводов с просьбой организовать «красную юрту» для мужчин. Правда, конечно, не все «юрты» хорошо работают, кое-где к ним население относится отрицательно, но это все-таки редкие случаи. Бывает это обычно там, где заведующий «юртой» мужчина и не умеет привлечь своей работой женщин. Но мы, как правило, мужчин не назначаем и стараемся выдвигать активисток из самих кочевниц.

Несколько минут мы поговорили об отношениях населения к «красным юртам», и затем перешли к вопросу о стоянках. Я спросила у заведующей юртой о системе стоянок их «юрты».

— Мы тоже по-разному стояли, — сказала она. — Летом в прошлом году мы на стоянках были по месяцу и полтора. Население, среди которого мы работали, принуждено было в каждый месяц перекочевывать на другое место в поисках новых пастбищ. После укочевки населения мы уходили в другой район, но теперь мы делаем не так. Мы кочуем с одним составом населения не менее 2½-3 месяцев, для этого мы передвигаемся вместе с кочевниками. По зимам же мы стоим в районном центре не менее 5 месяцев, с конца ноября по конец апреля включительно. В прошлом году мы работали в другой волости, и это был полуоседлый район. Там население уходило в кочевку только на летние 4 месяца, да и то уходили, главным образом, зажиточные и часть середняков. Большинство населения оставалось в кишлаках, поэтому нам невыгодно было ехать на кочевки. А в кишлаке *) лучше иметь клуб или красный уголок, чем передвижную «юрту».

*) Кишлак—зимняя стоянка или оседлый аул.

— Да, у нас были кое-какие ошибки в отношении использования «красных юрт». В начале работы мы недостаточно хорошо изучили характер кочевков и сами кочевые районы. Теперь мы их знаем лучше, и потому у нас «юрты» работают, главным образом, в чисто-кочевых районах. Но и до сих пор «юрты» у нас кочуют не одинаково, работа их зависит от характера кочевков, поэтому руководящим органам необходимо для правильного использования «юрты» хорошо изучать районы кочевков и их характер—периодичность места кочевков и т. д. Мы с т. Борисовой весь округ вдоль и поперек изездили для изучения. Сами ездили, узнавали в окр. зем. управлении, в исполкоме карты изучали. Теперь кое-что знаем, но продолжаем еще изучать, им вот поручаем изучать,—кивнула т. Карамбаева в сторону заведующей «юртой».

Последняя, повидимому, думала свою думу: задумчиво глядя в сторону, она проговорила:

— У нас своего транспорта нет, и нам довольно дорого стоят перевозки. Но мы не думаем покупать верблюдов, все равно одного недостаточно, а население очень охотно идет навстречу и помогает нам при переездах.

В этот момент нашего разговора в «юрту» внесли большой сиящий медью чайник, и заведующая пригласила нас пить чай. Усевшись вокруг низенького стола и попивая из чашек горячий напиток, мы продолжали нашу беседу.

— В отношении штата «юрты» в конце-концов дело обстоит не плохо,—говорила т. Борисова.—Для всех «юрт» в нашем округе мы имеем по 3 штата—заведующую «юртой», она же ликвидатор неграмотности, акушерку-фельдшерицу и уборщицу. Так что в отношении штатов у нас благополучно. Неблагополучие заключается в отсутствии подготовленных работников для заведывания «юртой», а главное, в отсутствии фельдшер-акушеров. Мужчину-фельдшера сюда взять невозможно, женщины не пойдут к лекарю-мужчине, казачек-фельдшериц очень мало, европейки в большинстве случаев в степь ехать отказываются. Положение создается безвыходное, в результате из 12 «юрт» в нашем округе—4, имея штаты фельдшериц, не имеют работников. А это для нас почти катастрофа. Ждем-не дождемся, когда «испекутся» новые фельдшерицы из казачек.

— Здесь тоже не видно фельдшериц—я вопросительно взглянула на заведующую и посмотрела в сторону амбулаторных принадлежностей.

Штаты и имущество «юрты».

— У нас есть фельдшерица, она уехала принимать роды, тут недалеко, за 2-3 версты в ауле. Хорошее начало для нас. Мы здесь стоим всего недельку. За это время мы обошли и об'ехали всю долину (а без этого нельзя начинать работу, нужно, чтобы мы узнали местные условия и чтобы нас узнало население). Побывали во всех аулах и между прочим узнали, что жена председателя совета одного из аулов должна в скором времени родить. Уговорили его прислать к нам ее на осмотр и, узнав, что беременность протекает очень болезненно, сумели настоять, чтобы нашу Акбулаеву пригласили и на роды. Согласился он на это очень неохотно, но все-таки, когда роды начались, прислал братишку с верховой лошастью. Нагиме (так зовут нашу фельдшерицу) забрала свои «приспособления» и поехала. Если роды сойдут благополучно, это нам очень поможет в работе. Мы сразу завоюем авторитет у местной власти и женского населения. Что-то долго ее нет, надо выйти посмотреть, не скачет ли где-нибудь. Скоро ведь будем открывать «юрту», а без нее этого нельзя сделать,—с этими словами заведующая вышла из юрты.

Мы тоже встали из-за стола и стали осматривать «юрту». Поговорили об оборудовании «юрты». Кое-чего в «юрте» не хватало, кое-что не было приспособлено к постоянным переездам. Скамейки, стол и стулья, несмотря на свою миниатюрность, все-таки были очень громоздки и, пожалуй, было бы лучше, если бы они были складными из парусины или какого-либо другого легкого материала. Повидимому, нужно было **политпросвету** специально заняться вопросом **рационализации обстановки «красных юрт» с точки зрения их приспособления к условиям перекочевков.**

Однако, несмотря на это, «юрта» производила очень хорошее впечатление и вызвала у меня искреннее восхищение.

— Вы не думайте, что все наши «юрты» в округе так же оборудованы, как эта «юрта»,—сказала т. Борисова.—Мы вас привезли в опытно-показательную юрту. Привезли для того, чтобы показать вам самую лучшую «юрту» и чтобы вы посмотрели открытие «юрты». Кроме того, эта юрта расположена ближе других. Дальше мы с вами поедем в худшие «юрты», и вы посмотрите, как они плохо работают и живут.

Одна половина «юрты» используется для медицинской консультации, она оборудована не плохо, все самое необходимое имеется. Во время приема занавеска разделяет «юрту» на 2 части. Вторая половина «юрты»

представляет из себя—клуб, избу-читальню, библиотеку. Здесь работают ликпункт и всякие кружки. В хорошую погоду все эти скамейки, столы и доска выносятся, и занятия проходят возле «юрты» на свежем воздухе. Так что «юртой» больше всего пользуется фельдшерница. Вот уголок Ленина. Каждый, кто впервые приходит в «юрту», прежде всего спрашивает о Ленине и заходит его посмотреть. Смотрят обычно с боязнью и почитанием. Спрашивают, из чего он сделан, просят разрешения потрогать руками, удивляются тому, что он такой черный. Именем Ленина мы начинаем все наши первые политические беседы. Меня всегда поражает это отношение населения к Ленину. Ведь казаки настолько отсталы и темны, что вот на всей этой долине вы наберете всего 2-3 грамотных людей. Почти никто из них не читает газет, все они имеют очень слабое представление о подлинном лице советской власти—а вот о Ленине знают. Песни о нем поют, сказки рассказывают.

— Нехватает нам кроватей, — продолжала рассказывать т. Борисова, — мы пока обходимся без них и если заведем, то только парусиновые, складные. Акушерка спит на своей скамейке, на которой осматривает женщин. Конечно, перед тем как стелить постель, она обмывает ее сулемой. Заведующая спит на столе. Спят в этой же «юрте», как видите, тут же стоят их вещи—это очень неудобно, и лучше, конечно, было бы если бы мы имели еще одну «юрту» для жилья персонала «юрты», но это—недостижимая мечта. Зимой они устраиваются лучше, живут в ауле и занимают отдельную квартиру, если, конечно, им посчастливится ее найти. Хорошо бы, конечно, приобрести палатки вроде красно-армейских палаток, но мы еще до этого не додумались. С палатками было бы куда удобнее, и хозяйство «юрты» не лежало бы под открытым небом.

Вот наши книги и журналы. Их очень мало, большинство на русском языке, казакской литературы для женщин очень мало. Журнал «Аэль-Тендыги» *) подучаем, хотя и с опозданием. Вот недавно выписали «Коммунистку», «Крестьянку» и «Батрачку». Пособий для работы «красных юрт» нет совсем. Для бесед используем беседы для делегатов, помещаемые в журнале. Помогают нам и газеты. Программ для кружков нет, составляем сами, используем всякие другие программы. Работать без программ и пособий очень трудно. Бомбардируем краевой женотдел письмами, телеграммами,

*) Женский журнал на казакском языке.

просим программы и пособия — не шлют. Крайженотдел, видно, ждет из Москвы, а Москва что-то молчит. Запишите, товарищ; себе в тетрадку, не забудьте о программах и пособиях, пошевелите и Главполитпросвет.

— Ну, пойдемте теперь осматривать то, что вне «юрты», — предложила т. Карамбаева, и мы вышли навстречу входящей заведующей и пошли с ней вместе осматривать другие принадлежности «юрты».

— Здесь у нас еще не все готово. Вот здесь будет печка — «кухня» наша, — заведующая указала на кучу глины и камней в 10—15 шагах от «юрты». Это уже хозяйство нашей Алтынбаевой. Вот сейчас я вас с ней познакомлю — иди сюда Алтынбаева, познакомься с товарищами.

К нам подошла высокая средних лет казачка, плотная, загорелая, она робко пожала нам руки и улыбаясь отошла в сторону.

— Наша Алтын, как мы ее зовем, — настоящее золото *). Мы ее подобрали во время своих кочевек полуумирающей от голода. Она вдова, жила у своего родственника бая, который всячески ее эксплуатировал и держал впроголодь. В начале своей работы мы обходились без постоянной уборщицы, «юрту» убирали сами, а для подвоза воды и сбора топлива и всяких больших уборок каждый раз нанимали. Стоило это нам не намного дешевле, а неудобств от этого было очень много. Мы и взяли себе Алтынбаеву. Живет она у нас с полгода, и мы ею не нахвалимся. При ней у нас хозяйство в полном порядке, чисто и уютно в «юрте», топливо собрано, воды сколько нужно, столько и есть. Сама она учится грамоте и хорошо преуспевает. Она начинает уже помогать нам в работе — сепаратор, кухня и прачечная в ее распоряжении, и она дает членам бытового кружка практические уроки по стирке, уборке жилища, приготовлению пищи и пользованию сепаратором. Она очень толковая, расторопная. Я про себя лелею мысль — сделать из нее руководителя «красной юрты». Научится грамоте, пошлем ее на женотдельские годовичные курсы — поучится там, будет незаменимый работник. Она уже с баями якшаться не будет. На своей собственной шкуре она изучила классовую политику и сумеет про водить ее в своей работе по-настоящему. Вот будем стоять на зимовке в районном центре — в партию ее вовлечем. Ну, Алтын, показывай свое хозяйство.

Алтын подошла поближе, вопросительно взглянула на заведующую, она не понимала русской речи.

*) Алтын — в переводе золото.

Карамбаева подошла к ней, обняла ее за плечи и, что-то говоря на казакском языке, повела нас обратно к «юрте».

Снаружи «юрты», с правой стороны, на низеньком табурете стояли: сепаратор, покрытый белой тряпкой, и возле него маслобойка, два таза, ведро и еще какие-то мелкие принадлежности. Это был маслобойный «завод» Алтын. Чуть-чуть поодаль, около «будущей» печи стояли — котел, корыто, большая детская ванна и бак для воды. Гладильная доска была прислонена к «юрте», все это составляло приспособления для стирки.

Показав нам эти принадлежности, Алтын сказала, что под ее присмотром находятся еще кухонная посуда, швейная машина, волшебный фонарь и граммофон, которые пока убраны в ящики. Конечно, она не со всеми из этих вещей умеет работать, но она следит за их целостью, вытирает с них пыль, убирает, оберегает их при переездах.

В ответ на мое удивление такому богатству «юрты» заведующая, взглянув на Борисову, сказала:

— Да, говорят, что хозяйство наше богатое и что у нас есть то, чего нет в других «юртах». Но мы хотим большего. Я непременно хочу, чтобы в смету «юрты» на будущий год была включена моя заявка на приобретение радио-приемника со всеми принадлежностями, трикотажной машины — шали вязать, прялки и всяких приспособлений для шелководства, не говоря уже о том, что я буду обязательно просить библиотеку и всякие учебные пособия, без этого нельзя работать. А на следующий год я буду просить уже кино-передвижку. Если вы не дадите, напишу письмо Крупской, Артюхиной, Калинин у добьюсь.

— Ах, ты, фантазерка-сказочница — засмеялась Борисова и хлопнула по плечу заведующую. — Ты бы еще включила в свою смету трактор и аэроплан, все равно уж, раз можно кино, то аэроплан и давно.

— Лет через пять, если я буду еще работать в «юрте», то непременно попрошу и трактор и аэроплан, задорно тряхнув головой, сказала та в ответ на смех. Вы бы поработали здесь со мной месяц, тоже увлеклись бы и зафантазировали бы. Когда видишь такие большие результаты от той маленькой работы, которую мы ведем, то невольно думаешь, что если бы развернуться как следует, то результаты получились бы сверхособынные.

— Сразу из кочевков и в социализм, — еще подзадорила Борисова заведующую.

1/274131
Июль 1953 г.

Тут уж я вступилась за заведующую «юртой» и сказала, что и прялка, и трикотажная машина, и даже кино-передвижка для «юрты» — вещи весьма необходимые и полезные. И если в условиях Казакстана их можно использовать для широкой организации женских масс вокруг «юрты» и привития им культурных и хозяйственных навыков, то, конечно, надо стремиться эти вещи приобретать. Что касается до кино-передвижки, то в других республиках есть опыт использования кино-передвижек, и это, само собой понятно, очень привлекает население. Но в тех республиках не сами «юрты» приобретают кино-передвижки, а политпросветы время от времени посылают их для посещения «юрт».

— Вот бы нам прислали тоже, сказала заведующая, глядя на все еще улыбающуюся Борисову, — я не возражаю, мне меньше хлопот будет.

— Почему бы не прислать, товарищ, прислали бы, да у нас в округе передвижек-то этих нет, «кусаются» они, а денег-то нам дают мало.

Средства
«юрты».

— Кстати, как у вас со средствами на «красные юрты»?

— Живем по твердым сметам. Все «юрты» полностью включены в бюджет политпросвета, но так как политпросвет идет очень неохотно на всякие новшества в работе «юрт» (особенно в части экономических мероприятий), то мы кое-какие средства на поддержку «красных юрт» получили еще по смете комиссии улучшения быта женщин при окр. исполкоме. Кроме того, мы не стесняемся использовать и средства других ведомств. Так, например, если окр. земуправление имеет специальные средства на агро-пропаганду, само собой разумеется, что оно должно эту свою работу развертывать и среди женщин. В план работы наших «юрт» также входит агропропаганда; таким образом, окрземуправление самым непосредственным образом заинтересовано в работе «юрт» для своих целей и должно будет им помочь как средствами, так и агрономическими силами. То же самое можно сказать и о других ведомствах и общественных организациях — окр. здравоохранения и Красный Полумесец *) должны помогать нашей медицинской и санитарной работе, окрсуд — правовой работе среди женщин и т. д. и т. п. Исходя из этого, мы считаем совершенно обязательным привлечение заинтересованных ведомств к руководству работой «крас-

*) Красный Полумесец — общество, аналогичное обществу «Красный Крест».

ных юрт» и организации материальной поддержки им.

— А как помогают вам эти заинтересованные ведомства?

— Не совсем охотно, но все-таки помогают. Трудно добиться от них регулярной помощи. Они привыкли всякие свои мероприятия, затрагивающие интересы женщин, приурочивать к каким-либо «женским» праздникам—ко дню 8 марта, дню отмены калыма *) и т. д. Но мы уже сами тоже кое-чему научились и стараемся все свои заявки и требования делать перед составлением бюджета и включать в сметы ведомств. Наилучшие отношения у нас с здравотделами и судами. Все медикаменты и оборудование для консультаций мы получаем в плановом порядке от здравотделов. Окрсуд ввел в твердую практику народных судов на местах регулярное посещение районными судьями и следователями наших «красных юрт». Иной раз в «красные юрты» выезжают даже сессии окр. суда. Правда, кое-где судьи отказываются приезжать судить, а районные врачи не хотят выезжать для приемов в консультациях, но это уже зависит от качества этих судей и врачей, а не от их руководящих органов.

— Как обстоят дела с партийным и советским руководством?

— «Юрта» непосредственно подчинена политпросвету и женотделу. При окружном и районных политпросветах существуют комиссии по руководству работой «красных юрт» и клубов (см. постановление Всесоюзного совещания по женским клубам на Востоке). Комиссия междуправительственная—в нее кроме представителей от отдела работниц, агитпропа, политпросвета, комсомола входят еще представители от здравотдела, земуправления, с.-х. кооперации, суда и т. д. Комиссия созывается раз в месяц, не чаще. В остальное время все вопросы, касающиеся работ «красных юрт», разрешаются отделом работниц согласованно с политпросветом. В этом году политпросвет выделил специального инструктора для руководства работой «красных юрт». У нас в округе кроме женских есть еще и общие «красные юрты», всего по округу около 25. Выделение отдельного работника очень облегчило руководство работой и инструктирование «красных юрт». Инструктор часто выезжает, а в дальнейшем хочет приступить к разработке различных методических указаний.

Руководство и инструктирование.

*) В Казакстане день отмены калыма празднуется каждый год в день Нового года—1 января.

— Таким образом, у вас над «юртами» два хозяина?

— Да, так получается, но все-таки «женские красные юрты», как форма партийной работы среди женщин, все-таки ближе к женотделам. Отчеты «юрт» с мест поступают непосредственно к районному организатору среди женщин и оттуда в окружной отдел работниц. Инструктор политпросвета по «красным юртам» — женщина, и она после обследования «женских юрт» специально докладывает о своей работе в окружном отделе работниц. Политпросвет больше заботится о хозяйственной, организационной стороне работы, а отделы работниц о содержании работы «юрт». Время от времени райорганизатор среди женщин созывает совместно с политпросветом районные совещания «красных юрт». Мы же, окружной отдел работниц, на наше осеннее совещание работников среди женщин созовем также всех заведующих «красными юртами» и будем ставить специальным вопросом на повестке дня совещания об итогах и практических задачах «красных юрт».

— Вы бы почаще собирали нас, т. Борисова, хотя бы разика два в год, нам легче было бы работать. Народ мы мало опытный, а работа у нас сложная, прямо-таки универсальная. Мы все должны знать и на все уметь ответить. Книг под руками мало, в журналах о «юртах» пишут очень редко, живого инструкторирования недостаточно, местные партийные ячейки слабоваты, вот и варишься в собственном соку.

— Ну, не плачь, не плачь, вот осенью созовем совещание. Предполагаем растянуть его недельки на две с тем, чтобы прочесть товарищам ряд докладов, сводить их на экскурсии, показать практическую работу в рабочих клубах. У нас и получится не просто совещание, а «курсы-совещание». За две недели можно будет здорово «поднакачать» наших девчат.

— Да, вы очень хорошее дело задумали, так и нужно. Ну, а каковы взаимоотношения «красных юрт» с местными, партийными и советскими организациями — спросила я снова Борисову.

— Об этом вам лучше всего узнать на примере вот этой «юрты». Пусть вот заведующая расскажет.

Совет «юр-
ты».

— У нас есть совет при «юрте». Совет «юрты» это нечто среднее между правлением женского клуба и комиссией содействия. В совет «юрты» входят — заведующая «юртой», мед. работник «юрты», затем секретарь местной ячейки ВКП(б), председатель аульного совета, секретарь ячейки комсомола, представитель от органи-

зации Кошчи *), от кооперации, судебный работник, агроном или ветеринар, местный учитель, делегатка женотдела или член совета — женщина, пионерработник. Обычно, мы стараемся в совет привлечь всех, кто не только может быть полезным в работе «красной юрты», но кто так или иначе заинтересован в их работе. Перечисленный мною состав совета — это максимум, большой совет. Такой состав нам удастся набрать очень редко — не всегда на местах бывают агрономы, судебные работники и т. д. Часто эти товарищи работают настолько далеко от «красных юрт», что их ни разу не удастся привлечь на заседания совета. Заседание совета мы устраиваем раз в месяц, в каждое 15-е число месяца. На заседание совета ставили план работы «юрты», хозяйственные вопросы, обсуждали всякие новшества и т. п. **Всю работу в «юрте» провожу согласовано с местной партийной ячейкой.** Часто прибегаю к помощи местной власти. Советы обычно очень охотно помогают нам во всех затруднительных случаях. Совместно с комсомолом и пионерработниками мы налаживаем работу среди девочек. С союзом Кошчи стараемся организовать батрачек. Кооперации помогаем кооперировать беднячек.

Мы устанавливаем дежурства членов совета-юрты при «красной юрте». Если нам удастся «залучить» грамотных членов совета, то они нам помогают в нашей практической работе — руководят кружками, заведуют столом справок, ведут записи в дневнике «юрты».

— И еще один вопрос. Среди каких слоев населения «Юрта» для трудящихся ведут свою работу «красные юрты»?

— На этот вопрос теперь я могу ответить без всякого колебания, — сказала т. Борисова. — Недавно мы специально запрашивали от «красных юрт» отчеты об их работе и просили нас прислать регистрацию посещаемости. Во всех «красных юртах» у нас ведется журнал посещаемости. По нашей инструкции каждый, проходящий в «юрты» первый раз, посетитель должен быть зарегистрирован в этом журнале. В журнале указаны: пол посетителя, его национальность, партийность и его социальное положение. Мы очень тщательно проработали десяток журналов, регистрировавших посещаемость за последние 6 месяцев, и цифры совершенно ясно показали нам, что в числе вовлеченных в работу «красных юрт» подавляющее большинство составляют батрачки и беднячки. Жен баев совсем нет. Так что здесь искрив-

—*) Кошчи — союз батрачких и беднячких масс — нечто, схожее с Разземлесом и ККОВом.

лений классовой линии не наблюдается. На совещаниях заведующих «красных юрт» мы специально обсуждали вопрос о женах баев и о том, среди каких слоев населения должны работать наши «красные юрты». В инструкции о работе «красных юрт» в первом же пункте сказано о том, что жены и дочери баев к работе «красных юрт» не допускаются. При открытии «юрт» также специально объявляется, что «красная юрта» будет работать среди батрачек, беднячек, середнячек, всех тех кочевниц, которые не лишены избирательного права. Мы особенно внимательно отнеслись к этому моменту в работе «красных юрт» особенно потому, что в прошлом у нас в этом «пунктике» были нарушения общей политики партии. В работу «красных юрт» кое-где вовлекались жены и дочери баев, которые, имея много свободного времени, очень активно посещали кружки, ликпункты, беседы и т. п. и становились «первейшими активистками» в «красной юрте». Теперь такие явления окончательно изжиты, вокруг этого вопроса создано общественное мнение в массах населения, и сами женщины даже с некоторым злорадством предупреждают жен баев — «не ходите, вас в кзыл-отау *) не пустят, она для бедных, не для вас».

III. ОТКРЫТИЕ «ЮРТЫ».

Увлеченные разговором, мы не заметили возвращения второго работника юрты — т. Нагиме и увидели ее только тогда, когда она вплотную подошла к нам.

Не успев поздороваться с нами, она бросилась обнимать заведующую с криком:

— Родили сына, все благополучно, мать уже пожелала пить чай, отец скачет от радости, родня ликует. Я тоже. Здравствуйте, товарищи!

Мы все рассмеялись, глядя на ликующую фигурку фельдшерицы. Она оглядела нас и, не теряя сияющего взгляда своих глаз, горячо заговорила:

— Вы не думайте, товарищи, что очень просто принимать роды в степи. Когда я приехала, около юрты стоял десяток женщин окружил нашего милого председателя, и все разом кричали на него. Они ругали его за то, что он изменил обычаям и позвал на роды фельдшерицу. Председатель имел очень жалкий вид нахихлившегося под дождем воробья, и я, глядя на него, не могла удержаться от смеха. Спрыгнув с лошади, я

*) Кзыл-отау — на казакском языке «красная юрта».

быстро подошла к женщинам и громко, хотя и почтительно, поздоровалась с ними. Все они разом обернулись в мою сторону и обожгли меня свирепым взглядом своих глаз. Ворча, отошли они в сторону и пропустили меня в юрту. Там на грязном полу, прямо на голой земле в страшных муках корчилась роженица. Я позвала одну из старух, и вместе с ней принялась наводить порядки. Роды продолжались 4 часа; но прошли совершенно благополучно. Вы бы видели, какие рожки были у старух, когда я им показала неистово орущего здорового младенца. Во все время родов все эти старухи ни на шаг не отходили от юрты, при чем та, которая помогала мне, время от времени выходила и докладывала им о происходившем в юрте. Бедный муж все 4 часа просидел у костра и с самым невозмутимым видом, куря трубку, кипятил в «казане» *) воду. Я иногда тоже высовывала голову в дверь, чтобы взглянуть на старух, и при виде их злобных рож у меня мелькала опасливая мысль, что, если мне что-нибудь не удастся, и роды будут неблагополучны, они разорвут меня на части и прогонят нашу «красную юрту» с долины. Но, «слава Аллаху», все обошлось хорошо, и я торжеству победу. Председатель обещал завтра прислать за мной лошадей, и я поеду взглянуть на роженицу и ее сына, иначе они еще там что-нибудь наделают с ними, а случится какое-нибудь несчастье, свалят на меня же. Председатель теперь на моей стороне, и я научу, как надо растить и воспитывать младенца. Вообще тут я займусь детьми. На обратной дороге мне пришло в голову организовать при «юрте» нечто вроде яслей. Как вы думаете, т. Борисова, поможет нам окрздравотдел в этом деле?

— Что ты, что ты? — замахала на нее руками заведующая, — замолчи скорее, а то и тебя произведут в фантазерки. Тут уж мне без тебя досталось.

— Почему же не помочь окрздраву, в других районах у нас есть опыт организации яслей-примитивов при «красных юртах», — сказала я. — Попробуйте и вы в виде опыта создать ясли при этой показательной «юрте». Это будет не плохо.

— Надо подумать, — нерешительно сказала т. Борисова, — если Красный Полумесяц нам поможет, мы сумеем создать эти ясли. Вот приедем домой, поручим это дело организовать т. Карамбаевой, она у нас женщина энергичная, и сумеет добиться.

*) Казан—котел.

Открытие
«юрты».

На этом мы прервали обследование «юрты» и начали церемонию открытия «юрты».

Открытие «юрты» — это для всех большой праздник. К этому дню население, извещенное услужливым степным беспроводным телеграфом (узун-кулак^{*)}), собирается со всех концов. Приезжают за 50—60 верст и более. Идут пешком, скачут верхом на быстрых степных лошаденках, едут на медлительных верблюдах и упрямых волах. Собираются и старые, и малые. С'езжаются также смекалистые спекулянты и раскладывают свои затейливые товары. Теперь частым гостем на открытии «красных юрт» бывает кооперация, которая разбивает тут свою палатку-ларек, бойко торгует сладостями, мелкими украшениями, ситцами, записывает в кооперацию и даже не отказывается принимать кожи, шерсть, масло и сыр.

На праздник собираются и даже специально приглашаются лучшие и широко известные среди населения музыканты и певцы.

В ряде районов в день открытия «юрты» созываются беспартийные конференции женщин, пленумы аулсоветов. Все это делается для того, чтобы ознакомить население с «юртой», заинтересовать его и привлечь к работе в «юрте» наиболее широкие массы трудящихся.

Сегодня тоже собралось не мало народу. В говорливой, шумной толпе двигались люди всех возрастов. Молодые девушки, вернее девочки, в ярких платьях с серебряными украшениями на груди, с развевающимися перьями на шапках, робко прижимались к платьям своих степенных матерей с грудными детьми на руках. Крикливые и шумные мальчуганы резвились на лугу, скакали на лошадях, стайкой сидели вокруг нашего автомобиля. Мужчины всех возрастов, начиная с молодых парней и кончая стариками, собрались в одну тесную группу и слушали чтение газеты. Читал газету, запинаясь и несколько смущенно, молодой парень комсомолец, возле него сидел председатель аулсовета, озадаченный Нагимой отец. Слушатели постарше сидели очень внимательно. Время от времени некоторые из них подходили к чтецу, смотрели ему в рот, щупали газету и вновь садились на свое место. Мне невольно думалось, что многие из них впервые видят газету. Молодежь вела себя более рассеянно, многие из парней очень часто оглядывались в сторону женщин и девушек — может быть они высматривали себе невест или, снедаемые ревностью, следили за поведением молодых жен.

^{*)} Узун-кулак — длинное ухо, слух.

Но вот началось празднество.

Возле «юрты» забил барабан, тотчас же граммофон заиграл какой-то веселый марш, и вся толпа заспешила к «юрте».

Возле «юрты» стоял стол, накрытый красным, и несколько скамеек. Заведующая торопливо раскладывала на столе бумагу, ручки, расставляла чернильницы, графин с водой и даже маленький колокольчик. Алтынбаева с Нагиме хлопотали над рассаживанием публики. Женщин и детей усаживали ближе к столу, в передних рядах, мужчин подальше. Все усаживались прямо на землю; кое-кто догадался устроиться на кошму. Усаживание продолжалось минут пятнадцать. Наконец, толпа затихла, граммофон перестал распевать, и заведующая пригласила к столу председателя аулсовета, комсомольца, читавшего газету, члена совета — женщину и всех нас, приехавших из города (секретарь ячейки ВКП(б) оказался на каких-то курсах и за его отъездом секретарствовала в ячейке заведующая «юртой»).

Председательствовала заведующая, секретарство взяла на себя Карамбаева. Заведующая открыла торжественное заседание краткой речью, в которой благодарила присутствующих за то, что они так охотно прибыли на праздник открытия «юрты», и приглашала их слушать внимательно и запоминать все то, что здесь будет происходить.

После этого слово для доклада было дано т. Нагиме. Последняя в очень горячих выражениях говорила о правах женщин, о том, как заботится советская власть и компартия о трудящихся казачках, говорила о задачах «юрты», подробно рассказала о том, как «юрта» думает работать и закончила свое слово призывом идти в «юрту».

На смену Нагиме выступил с приветствием председатель аулсовета; женщина, член совета, тоже произнесла несколько приветственных слов от женщин.

Все речи слушались с затаенным вниманием, даже ребятишки вели себя тихо, а если случалось, что на коленях у матери заплачет ребенок, ему торопливо давали грудь или, если ребенок не затихал, мать смущенно выходила из круга сидящих и отходила подальше, за «юрту».

Приветствиями закончилась торжественная часть праздника, и был объявлен краткий перерыв, в который посетители приглашались выпить по чашке чая и посмотреть внутренность «красной юрты». Оживленно переговариваясь, мужчины и женщины потянулись к

большому котлу с чаем, который вскипятила заботливая Алтын. Каждый подходил с своей чашкой и, получив в маленькую «пиалу» *) горячий золотистый напиток, тут же усаживался на корточки и начинал пить. Выпив чаю, каждый считал своим долгом церемонно поблагодарить Алтын и отправлялся смотреть «юрту». Процедура чаепития и осмотра «юрты» затянулась не меньше, чем на полчаса, и за все время граммофон «орал» не переставая и привлекал к себе неослабевающее любопытство мальчишек и девчат с косичками за спиной.

За время перерыва мы все вместе с заведующей, председателем аулсовета и при помощи комсомольцев занимались подготовкой концертного отделения. Договорившись и разделив обязанности, мы приступили ко второй части нашего праздника. Отставив стол к стенкам «юрты» и расположив соответствующим образом скамейки, мы отгородили на ровном месте возле «юрты» нечто вроде сцены, на которой должны были выступить наши «артисты».

Резвый парнишка лет 6-7, коричневый от загара, с блестящими черными глазенками, обежал, позванивая колокольчиком всю толпу — и концерт начался.

Первым выступил сказочник и песенник, старик Муратбай. Тихо позванивая на двухструнном дутаре (род балалайки), он пел о славных богатырях казакского народа, о советской власти, о Ленине.

Муратбая сменил хор парней-комсомольцев с бытовыми и революционными песнями.

Потом председатель аулсовета рассказал какую-то шутовую коротенькую сказку о богатом татарине, имевшем четырех жен, которые ежедневно дрались между собой, а иногда сговорившись избивали собственного мужа. Тогда бедный бай-татарин проникался жалостью к себе и завидовал теленку, свободно резвившемуся на лугу и не знавшему несчастья — иметь четырех жен.

После веселой сказки, на «сцене» в широкой казакской степи впервые за тысячи лет был разыгран спектакль в одно действие по пьесе, написанной казакским писателем и в свое время отпечатанной в журнале «Аэль-Тендыги». Играли Нагиме, Карамбаева, заведующая «юртой» и один из комсомольцев. Одна из женщин изображала женотдел, другая — девушку, третья — мать девушки, а комсомолец — бай.

Мать, бедная вдова, продала свою дочь баю, бай купил девушку и всячески издевался над ней, бил ее,

*) Пиала — туземная чашечка.

мучил, заставлял нести тяжелую работу. Сам он важно сидел на кошме, пил чай, ел мясо и время от времени постегивал жену кнутом. Мать жены он выгнал из дому и не отдал ей полностью калыма. Обиженная старуха пошла в женотдел, и грозный женотдел в лице Нагиме арестовал бая, который плакал, падал на колени и очень боялся тюрьмы. На этом спектакль окончился. Спектакль произвел на зрителей потрясающее впечатление, многие девушки и женщины утирали глаза, мужчины радостно смеялись. Когда бая потащили в тюрьму, многие из зрителей заулюлюкали ему вслед.

После спектакля, как только пропели свои песни комсомольцы и старик-певец, приступили к важнейшей части праздника — борьбе и скачкам. Быстро выбрали пятерку организаторов из публики, рассадили всех в круг и два парня выступили для борьбы. Борьба велась по всем правилам степных законов, зрители следили за каждым движением и шумно выражали свое мнение. По окончании борьбы победивший получил четверку чаю и фунт сахару (средства на покупку призов тоже входили в смету расходов на открытие «юрты»). Три пары борцов сменились в кругу и выступила четвертая «сверхпрограммная» пара. Двое юнцов, лет по десять-по восемь, выскочили в круг и начали бороться. Борьба их закончилась взаимной дракой и была награждена общим хохотом зрителей.

Борьба сменилась скачками. Семь степных неказистых лошадок, погоняемые мальчишками, сорвались с места и как вихрь помчались по дороге. Толпа с волнением ждала их возвращения и встретила бурей восторга победителей, которые также получили награду — кусок ситца на рубахи владельцу лошади и коробку леденцов мальчику-погонщику.

Уже стемнело, когда, наконец, праздник закончился и гости раз'ехались по своим становищам.

Мы все без исключения остались очень довольны торжеством и еще долго, пока не заснули, обменивались впечатлениями о празднике, обсуждали отдельные моменты его и весело смеялись над некоторыми мелкими происшествиями.

IV. СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ «ЮРТЫ».

На утро мы знакомились с прошлой работой «красной юрты», с ее планами, изучали дневники и регистрационные книжки, рассматривали недельное расписание работы.

Целеустремленность, плановость и согласованность в работе.

Наш разговор мы вели рано утром в тени «юрты». — Ваша работа чрезвычайно разнообразна и разносторонняя, — сказала я, перелистывая записи в дневнике *) «юрты». — Вы ведете и культурную работу, и политическую, и хозяйственную. Как вы справляетесь со всеми вашими кружками, беседами и еще выбираете время для раз'ездов по аулам?

— **Всю свою работу мы ведем по твердому плану,** — ответила заведующая. — У нас есть трехмесячный план работы, который мы должны выполнить за время нашей стоянки здесь. Вот он, наш план. Здесь по графам распределена вся наша будущая работа. Точно рассчитаны все приемные дни консультации и выезды акушерки. Вычислено, сколько раз мы думаем собирать обще-женские собрания. Указано, какие кружки будут нами организованы, и многое другое из того, что мы предполагаем сделать. **Это не только наш план, но и программа, так как здесь указаны и те практические задачи, которые мы должны достигнуть своей работой.** Вот здесь в графе о ликпункте сказано — ликвидировать неграмотность среди 12 женщин (это наш минимум). В графе о кооперации записано — кооперировать через фонд бедноты 50 женщин и организовать маслодельческий коллектив из 15—17 человек. Дальше в других графах вы прочтете то, что намечено нами по другим линиям работы. **Таким образом, вы видите, что в нашем плане есть известная целеустремленность, мы работаем не «вообще», а ставим себе совершенно конкретную цель и стараемся ее достигнуть.**

— И делаете совершенно правильно, потому что, только имея определенную целеустремленность в работе, можно добиться наибольших результатов, — возразила я. — Иначе работа «красных юрт» настолько разнообразна и увлекательна, что очень легко можно разбросаться и попусту растратить силы, ничего не достигнув. Не забывайте только еще одного божнейшего правила — **всегда увязывать работу с очередными задачами партии и советской власти, а также местными условиями.** Если вы этого не запомните, то вся наша работа тоже может оказаться впустую.

XV партийный с'езд в области работы в деревне поставил перед нами задачу — организовать широкие массы трудящихся женщин на дело социалистического переустройства сельского хозяйства. Это значит, что мы, женотделы, через «красные юрты» должны проводить

*) Дневник — это тетрадка, в которую записывалась работа «юрты» за каждый день.

такие мероприятия, которые бы толкали женщин к кооперированию, организации их в коллективы, артели, колхозы и т. д. и учили их поднимать свое единоличное хозяйство. Кроме того, XV съездом выдвинут лозунг — культурной революции. В этой области для нас непочатый край. Море работы. Мы неграмотны, мы отсталы, мы грязны, мы больны заразными болезнями, рождем в ямах, мы суеверны. У нас калым, выдача малолетних, многоженство. Все это наследие гнилого старого быта нам надо перебороть. И самую большую борьбу со всем этим на данном отрезке времени будут вести «красные юрты». И вот вы должны самым тщательным образом проследить за тем, чтобы во всей вашей работе суметь отразить эти основные задачи партии.

Но это не все. Вам нужно суметь увязать свою работу с местными условиями. Для этого вы должны быть в курсе всей работы местных советов, кооперации, профсоюзов и партии. Для этого же вы должны хорошо знать свой район, его хозяйственные особенности, быт и культурный уровень населения. Без учета всего этого вы будете «воду в ступе толочь», а не работать. Ведь не будете же вы в чисто-кочевом районе, где население занимается исключительно скотоводчеством и где нет тутовых насаждений, организовывать шелководческие артели. Не будете же вы учить женщин вышивке «решилъе», когда они не умеют шить себе рубахи? Да и мало ли чего можно несуразного и смехотворного надумать и этим сорвать, дискредитировать работу. **План работы «юрты» должен быть согласован с планами и предположениями заинтересованных организаций.** Но, к сожалению, не все «юрты» и др. наши политпросветительные учреждения в достаточной степени это понимают и часто свои планы строят без увязки с планом кооперации, советов, комитетов взаимопомощи и др. организаций и ведомств, с работой которых связана практическая работа «юрты».

— Мы на собственном опыте испытали, что значит несогласованный план. Вот в прошлом году, помнишь Нагима, мы провалились с кооперированием беднячек, — обратилась заведующая к фельдшернице. — Мы внесли в план кооперировать 75 беднячек из фонда кооперирования бедноты. Собрали беднячек, рассказали им о выгодах кооперации. Уговорили их кооперироваться. Обещали им помощь из фонда бедноты. Казалось, все сделали, а когда поехали за фондом — оказалось, что фонд-то был да весь вышел. Вот тут-то мы спохватились, что надо было сначала о фонде узнать, а потом уже ко-

оперировать. В этом году я уже поступила по-другому. Еще до выезда на кочевку побывала во всех учреждениях и организациях района, съездила и в округ и там заранее узнала все о фонде, о сепараторах для маслodelьного коллектива и о многом другом, что связано с моим планом. И не только раз узнавала, но официально договорилась обо всем этом. Запаслась документами. Но я не кончила вам рассказывать о внутренних распорядках нашей работы.

— Кроме 3-месячного плана мы имеем недельное расписание работы.

Заведующая положила перед нами лист бумаги с начерченным на нем расписанием.

— Вот смотрите день — суббота*), занятие — делегатское собрание, прием в консультации и ликпункт — 2 часа. Воскресенье — бытовой кружок, прием в консультации, вечером — беседа с газеткой или журналом. Понедельник — кооперативный кружок, посещение судьи, выезд в аул акушерки и т. д. и т. д. Кроме указанных в расписании занятий нам приходится постоянно поддерживать справочную работу. Иная казачка приходит за 50—60 верст получить совет, пожаловаться — не прогонишь же ее, не оставишь без помощи из-за того, что у тебя в этот день в расписании нет часа для справок. Поэтому мы при наших раз'ездах стараемся не выезжать сразу вдвоем и отлучаемся по-одиночке.

— Теперь, товарищ, расскажите нам, как у вас отдельные кружки работают, как удается вам сколотить делегатское собрание, как вы работаете с молодежью — словом, ознакомьте нас поглубже с вашей культурно-воспитательной практической работой в массах женского населения.

— Хорошо, но для того, чтобы выполнить вашу просьбу, мне придется опять-таки сослаться на наши дневники и записи о работе отдельных кружков, работавших в прошлом году. На этой кочевке, как вы видите, мы только-что начинаем нашу работу. Сегодня, повидимому, кое-кто из наиболее смелых уже к нам придет и нам удастся открыть запись в ликпункт и, может быть, провести подготовительную беседу перед организацией бытового кружка. Обычно с этого мы начинаем свою работу. **Начинаем с наиболее близкого женщине, понятного ей и интересующего ее.** Имейте в виду, что в начале работы «юрты» мы никаких записей при посетительницах не ведем. Это отпугивает их, им

*) Суббота — первый день недели. Пятница у мусульман — день отдыха.

кажется, что их записывают в партию или для обложения налогом, или даже для продажи их души дьяволу. Враждебные элементы — баи, ишаны, знахари — специально заботятся о том, чтобы пораспустить о нас, о нашей работе всякие сплетни, не отказываются и от прямых запугиваний женщин и даже нас, работников «юрты». Мы же — тот последний осиновый кол, который вбивается в могилу старому быту и муллам с ишанами, в частности. Они нас боятся, но мы их не боялись и не будем бояться, за нами сила, за нами жизнь.

— Перейдем к отдельным видам нашей работы, — продолжала заведующая. — Вот вам записи наших кружков, просмотрите их.

Массовая
политпро-
светработа.

Ликпункт. Вначале ликпункт посещают 32 человек; основной состав посетителей девочки, девушки и молодые женщины до 27—28 лет. В первую очередь мы старались вовлечь женщин, членов совета Союза Кошчи, батрачек и беднячек. Через 3 недели посещаемость снижается и доходит до 23 человек, а к концу 2-го месяца остается 17, кончает же ликпункт с умением писать и читать — 12 человек, главным образом девочки и девушки, взрослых женщин из окончивших только 2. На отсев влияет главным образом то, что осмелившихся учиться грамоте взрослых женщин высмеивают в семье, не исключая и мужа, которому стыдно быть неграмотным при грамотной жене. Особенно же достается «грамотейкам» от старух, которые прямо-таки «поедом едят» своих невесток и дочерей и добиваются того, что женщины бросают ходить в ликпункт.

— А вы мыла не раздавали своим женщинам, чтобы они более ретиво посещали ликпункт? — лукаво спросила Карамбаева.

— Какого мыла? Зачем? — пожала плечами заведующая.

— Была у нас в округе заведующая «юртой». Не сумела заинтересовать женщин своей работой, не идут женщины в «юрту». Тогда она пошла по кибиткам и стала раздавать по кусочку душистого мыла. На другой день «юрта» была полна женщин, которые тоже пожелали получить мыло. Но мыла у заведующей больше не оказалось, масса ушла недовольной, и после этого по аулу распространились всякие слухи и разговоры. В частности, мужчины советовали женам подольше не ходить в «юрту»; «если не пойдете, заведующей жалование перестанут платить и она уедет. А если ей некуда ехать, она опять вам мыла принесет», — говорили они.

— Ну, нет. Мы мыла не раздавали и не будем, а премировать наиболее усердных из окончивших ликпункт собираемся, если вы нам, конечно, на это средств отпустите. Премирование безусловно поощрит других. Можно будет платок нарядный подарить, ситцу на платье или еще чего-либо недорогого. Премировать же можно одну или двух из выпуска за какое-либо особое по сравнению с другими отличие.

— Удовлетворяет ли вас срок занятия ликпункта?

— Трех месяцев, конечно, недостаточно, но у нас иного выхода нет. Удлинить мы можем только на зимней стоянке, но и там суровая зима укорачивает наши сроки и очень сильно влияет на посещаемость учениц. Зимой мы занимаемся 2 раза в неделю, а летом—4-5 раз. Для наиболее слабых устраиваем даже добавочные занятия, особенно если на наше счастье в стоянке окажется грамотная девушка или женщина, которую можно использовать для этого. Однако, несмотря на все трудности, тот кадр, который закрепился за «юртой», относится к занятиям в ликпункте очень серьезно. Так, обходя юрты по вечерам, иногда наталкиваешься на удивительнейшие картинки. Сидит женщина у костра, подкладывает кизяк в костер под чайником или котлом, а сама глаз не спускает с букваря, разложенного на коленях. Лицо в этот момент у ней серьезное-пресерьезное, губы шепчут буквы и до того она увлечена своим занятием, что не заметит, как пройдешь мимо нее. Или какая-либо из активисток не придет разочек на занятие, на другой день прибежит чуть свет и извинится, что не могла притти потому, что гости были или мужа надо было собирать на ярмарку.

— Я вот о чем еще хотела вам рассказать. Мы иногда в нашей «юрте» организуем и мужской ликпункт. Уступаем, обычно, требованиям молодежи и самих взрослых мужчин. Очень часто весь состав посетителей мужского ликпункта у нас состоит из членов совета, членов партии и комсомола — так сказать, общественников. Мужчины посещают в большинстве случаев аккуратнее, чем женщины, и отсеив среди них меньше. Мужчины на кочевьях меньше заняты, чем женщины, им дети не мешают. Организация мужского ликпункта производит очень хорошее впечатление и облегчает нам работу: среди женщин, мужья доверчивее относятся к «юрте» и легче отпускают своих жен и дочерей.

Газетный кружок. Как только женщины научаются хоть немножко читать и писать, хотя бы и очень слабо, мы организуем газетный кружок. Берем местную

казакскую газету и заставляем одну из кружка читать вслух. Другие слушают, задают нам вопросы на тему о прочитанном, нас спрашивают о непонятном. Так сами «грамотейки» начинают приучаться к газете. Читают они и странички для малограмотных в журнале «Аэль-Тендыги». Затем постепенно мы переходим к организации своей стенной газеты «Красная Юрта». Мы с Нагиме составляем заголовки, пишем передовые и т. д., а члены газетного кружка пишут корреспонденции с мест. Пишут, конечно, всего по 2—3 строки — о себе, о своих детях, о новостях в ауле. Вы бы видели, какое у нас бывает торжество при выходе своей газеты, сколько гордости испытывает газетный кружок, сколько народу у нас пересмотрит эту «стеннушку».

Громкая читка. Раз в неделю мы устраиваем вечера громкой читки. Женщины приходят прятать шерсть. Мы расстилаем в «юрте» палас*), зажигаем лампу, и чтение начинается. Вначале читаем веселые рассказы, сказки и стихи. К сожалению, не всегда у нас бывает что читать; казакской литературы, такой, которая могла бы интересовать женщин, очень мало. Часто мне или Нагиме приходится вместо чтения рассказывать прочитанное в русской книге, журнале или газете. После того как женщины привыкнут к чтению и рассказам, мы время от времени читаем и серьезные вещи на политические темы, на темы по санитарии и гигиене и сельскому хозяйству.

— Как они относятся к серьезному чтению?—спросила я.

— Это зависит от того, как написано или как рассказано, как передано на казакском языке. Если мы хотим сохранить постоянный состав слушателей, то нам приходится быть очень внимательными к подбору материала для чтения и рассказа. Приходится также очень внимательно изучать вкусы и наклонности слушательниц и быть искусными руководителями для того, чтобы направить чтение по определенному руслу, чтобы это чтение имело определенное воспитательное значение. Ведь мы часто эти беседы превращаем в кружок политграмоты, на этих беседах готовим кандидатов в комсомол и в партию.

Хоровой и драматический кружок. Кое-где, вот смотрите записи, мы пробовали создавать хоровой и даже драматический кружок. Хоровой кружок сколотить легче. Женщины и девушки знают массу казакских пе-

*) Палас—простой ковер для пола.

сен и поют их с большим увлечением. Нашей задачей является подобрать такие песни, которые бы тоже служили некоторым нашим воспитательным целям, а также научить кружок исполнению наиболее известных революционных песен, переложенных на казакский язык. Иногда мы в хоровом кружке пробуем сами составлять коротенькие революционные частушки, и это нам удается. Трудность в работе хоровым кружком в том, чтобы приучить женщин выступать публично. Когда они впервые выступают, то страшно стесняются, краснеют до слез, но постепенно привыкают.

С драматическим кружком труднее. Здесь особенно больших успехов мы не имеем, но все-таки нам и тут кое-что удастся. Мы стараемся не реже, чем в 2 недели раз, а в случае удачи и еженедельно, устраивать вечеринки, вечера развлечений для населения. Приглашаем местных музыкантов, разучиваем новые песни, ставим инсценировки и нечто вроде спектаклей. Обычно на вечеринке же зачитываются наши стенгазеты. Бывает очень весело, песни наши запоминаются десятками людей и память о вечере долго сохраняется среди населения.

Конференции и кампании. Загляните теперь, товарищи, в наш план. Мы устраиваем раз в месяц или реже общие собрания женщин со всей долины нашей стоянки. Это нечто вроде беспартийной конференции женщин, которые мы обычно собираем перед проведением важнейших политических и хозяйственных кампаний — перевыборы советов, контракция, землеустройство и т. д.

На эти конференции у нас уходит целый день. С утра мы устраиваем заседания. На повестке дня ставим один или, самое большое, два вопроса и обсуждаем их. Женщины, обычно, бывают очень активны, задают десятки вопросов, выступают с критикой, с жалобой на мужей, на кооперацию, скупщиков, баев и местную власть. После делового заседания мы устраиваем чай и к вечеру организуем увеселительную часть. Очень часто между двумя песнями, при помощи волшебного фонаря, проводим коротенькие беседы на тему о воспитании детей, о заразных болезнях, об уходе за жилищем.

Такие конференции раскачивают женские массы, готовят их к активному участию в той или иной кампании и популяризуют в массах «юрту».

— Как вам удается отражать политические кампании в постоянной работе «красной юрты»? — спросила Борисова у заведующей,

— Устраиваем дни и вечера, посвященные той или иной политической кампании, с беседами, рассказами, песнями. Организовано участвуем на демонстрациях и общих митингах, если таковые устраиваются. Если же нужно добиться каких-либо практических результатов, то проводим запись в кооперацию, распространяем заем индустриализации, записываем в члены Осоавиахима и т. д. (кое-какие кружки добровольных обществ мы тоже организуем при «красных юртах»).

Собираем мы также и общие собрания женщин, которые работают в наших различных кружках. Собрания эти, обычно, обсуждают различные организационные вопросы, возникающие в работе «юрты» — подготовку к вечеринкам, порядок проведения той или иной кампании и т. д. Это нам помогает выявлять и готовить женский актив вокруг «красной юрты».

— Вы, товарищ, говорили, что вам удастся создавать при «красных юртах» делегатские собрания, — прервала я речь заведующей. — Расскажите, пожалуйста, нам об этом.

Делегатские собрания. — Вот вам тетрадка с записями работы делегатских собраний, — сказала она в ответ и положила передо мной тоненькую ученическую тетрадку. — Выборы делегатов мы проводим 2 раза в год — первый раз на зимней стоянке и второй — на весенней. Зимний состав делегатского собрания работает приблизительно 5 месяцев, летний — 3 месяца. Выборы проводим обычным путем — выбираем по одной делегатке от 20 взрослых женщин. Собрания устраиваем на зимней кочевке в 2 недели раз, на летней еженедельно. В основу работы берем программу нормального делегатского собрания, сокращаем ее и оставляем не больше 7 бесед. Труднее всего, конечно, нам увязать программную работу с практической. Вы сами знаете, что на летней, да и на зимней стоянке очень трудно достать во-время председателя сельсовета, организатора Союза Кошчи или председателя потреб. общества. Легче нам достать судью, врача или учителя. Само собой понятно также, что нам почти невозможно куда-либо прикрепить делегатов для практической работы. Советы на местах работают очень слабо, секций советов никаких нет, кооперация за десятки верст, школа тоже. Вот и прикрепляем самих к себе, к «красной юрте», к бытовым кружкам, к медицинской консультации, к отряду пионеров. Зимой легче прикрепиться, но труднее заставить делегатов работать, — холодно, одежды теплой

нет, а в делегатки выбираем опять-таки в первую очередь батрачек, беднячек и затем уже и середнячек.

— Какое количество делегатов вы выбираете и какова посещаемость? — задала вопрос Карамбаева.

— Выбираем, примерно, человек 40—50, отсеивается человек 10—15, более или менее постоянно посещающих обычно бывает не больше 20—23 человек. Нужно сказать, что делегаткам приходится идти за 10—12 верст.

— Повидимому, вы устраиваете делегатские собрания всегда в «красной юрте», — спросила я. — Почему бы вам не попробовать устраивать их в разных местах, по разным аулам. Так делают в Ойратии. Там в скотоводческих районах организуются кочевые делегатские собрания. Кочевыми они называются потому, что каждое очередное собрание делегатов происходит в другом месте. Ойратки очень любят ходить друг к другу в гости. Женотделы используют эту склонность, и делегатки по очереди собираются в тех аулах, где имеются делегатки. Это очень удобно, никому не обидно — ни дальним, ни близким.

— Это очень интересный опыт, — отозвалась заведующая. — Я думаю, что в наших условиях это тоже приемлемо. Разве вот зимой помещение трудно будет по зимовкам найти. Большинство казаков живет в землянках, где тесно пятерке человек, а не то что целому собранию. Но летом с помещением легче, и такой метод должен значительно повысить посещаемость делегатов и оживить нашу работу.

— Несмотря на то, что делегатские собрания в кочевых районах далеко не могут быть на высоте своего положения, все же их надо, по моему мнению, создавать, — сказала Борисова. — Краткость срока не дает нам возможности особенно многое сделать в отношении перевоспитания делегатов. Все-таки известную программу они проходят и получают знания, которые позволяют женщине разобраться в существующей обстановке и готовят ее к активному участию в общественной работе. Само звание «делегатка» поднимает женщину в собственных глазах и заставляет ее более активно относиться к своей жизни и к общественной работе. Каждой делегатке мы стараемся внушить, что она избрана от группы женщин и должна защищать их интересы, что делегатка должна быть примером другим женщинам, должна учиться грамоте, жить чище других, лучше вести свое хозяйство. Это даст свои результаты, тем более что ведь женщины-казачки, особенно бед-

нячки, сами по себе очень активны. К ним только нужно уметь подойти и правильно повести их.

Бытовые кружки. Наиболее удачной формой нашей работы среди кочевниц нужно считать бытовые кружки, которые можно назвать и кружками домоводства. Они дают наибольшие результаты. Я вам уже говорила, что бытовые кружки мы создаем в первую очередь. Конечно, никаких выборов в бытовой кружок мы не проводим — ходят туда женщины добровольно. Программу кружка мы стараемся возможно больше приспособить к местным условиям. Все занятия ведем в форме простых бесед, простых разговоров.

Потом мы перешли к ознакомлению с работой других кружков.

— К сожалению, и здесь нам приходится работать без пособий, пользуясь только теми немногими книжками, которые мы имеем в нашей библиотеке. Дайте нам поскорее пособие по бытовым кружкам, дайте программу, методические указания и библиотечку.

Задачей бытового кружка мы ставим улучшить быт семьи казака-кочевника. Для этого в нашем кружке мы учим женщину, как убирать юрту, мыть посуду, стирать белье, готовить пищу, сберегать молочные продукты, готовить масло, сыр, умело воспитывать детей, шить одежду и т. д., и т. д.

— Таким образом, ваш бытовой кружок берет на себя функции и кружка рукоделия, и санитарного кружка, и кулинарного кружка?

— Да, всего понемногу. Быт кочевника очень сложен, поэтому мы не организуем отдельных санитарных, рукодельных и кулинарных кружков. Мы все это проходим в одном кружке, и это не так трудно. Занятия бытового кружка мы устраиваем иногда даже 2 раза в неделю, и это нам удается — женщины настолько интересуются работой в этом кружке, что сами просят нас чаще собирать.

Работой бытового кружка мы руководим по очереди. Нагиме по санитарным вопросам, я — по хозяйственным. Как я уже вам говорила, в практических занятиях бытового кружка нам помогает и наша Алтын. Мы ее научили стирать, готовить, убирать жилище и шить на машинке; теперь она, по мере своих сил и под нашим присмотром, учит этому других.

— Мне хочется рассказать вам о том опыте, который мы проделали в прошлом году на летней стоянке, опыте, связанном с работой бытового кружка, — сказала присоединившаяся к нашей беседе Нагима.

— Расскажи, Нагиме, это ведь была твоя идея, — улыбулась заведующая «юртой» и жестом пригласила сесть рядом свою подругу.

— Опыт был очень интересный. Мы устроили суд над грязным женским платьем и грязным котлом. Объявили по аулам, что у нас такого-то числа приезжает судья и будет судить. Народу в назначенный день собралось очень много. Судья приехал накануне вечером. Весь вечер мы с ним трудились над составлением сценария. Сценария настоящего мы не составили, но об основном все-таки сговорились и распределили роли. Судья должен был оставаться судьей, заседатели тоже должны быть настоящие, обвинителем была назначена я, а заведующая «юртой» — обвиняемой. К роли защитника подготовили одного комсомольца, двое других комсомольцев должны были изображать стражу.

На другой день суд начался в обычное время, — с увлечением продолжала Нагиме. — Зрители не замечали ничего необычного, все было на своем месте. Судья, секретарь суда и заседатели, как всегда, чинно сидели за столом, в свое время стража вывела из «юрты» закутанную в платок подсудимую. Несколько удивило только то, что возле подсудимой на шесте висело старое, рваное и невообразимо грязное женское платье, а у ног стоял большой полуразбитый котел.

Но как только началось судебное заседание и подсудимой были заданы обычные в суде вопросы об имени, фамилии, социальном происхождении, судимости и т. д., то оказалось, что подсудимый был не человек, а то самое рваное платье, которое висело на шесте. После опроса первого подсудимого был введен второй — заведующая, которая сидела, закутанная в платок; в ответ на приказание судьи она качнулась и пододвинула ближе к столу разбитый котел. От пинка ногой котел жалобно застонал, в толпе зрителей засмеялись. Судья начал задавать вопросы второму обвиняемому, за котел отвечала также заведующая, только измененным голосом; жалобно, изредка покашливая, она не говорила, а ныла.

Из допроса выяснилась история платья и котла и вся та вина, которая лежала на них и за которую они теперь призваны были ответить перед лицом пролетарского суда. Платье рассказывало: «Впервые я помню себя куском ярко-красного с зелеными и желтыми цветками ситца, который разложили на прилавке и острыми ножницами отрезали, оторвали от родных сестер. Когда приказчик отмеривал меня аршином, я почувство-

вала себя молодой, красивой, жизнь показалась мне прекрасной. Но меня свернули в тугой узел и... положили за борт ватного халата. Ах, как мне это не понравилось, как мне там было душно, темно, у меня кружилась голова от запаха пота, который исходил от тела моего владельца. Несколько моих цветочков из желтых стали коричневыми, грязный пот запачкал нежные лепестки.

Целый день я томила в темнице, но к вечеру меня бесцеремонно выхватили оттуда и бросили на колени какой-то женщине. Эта женщина радостно схватила меня своими руками, развернула и стала рассматривать. Она была еще совсем молоденькая, черные глаза ее блестели, губы улыбались, косы звенели серебром. Мне понравилась моя хозяйка, я даже полюбила ее, и когда меня разрезали на какие-то куски и сшили из меня платье, я ласково обняла тело моей хозяйки и мы обе вместе выглядели очень красиво. Около года мне жилось не плохо, меня вынимали только в праздничные дни и хотя одевали на другое, очень грязное и дурно пахнущее рваное платье, я все-таки была довольна своей жизнью.

Увы и ах! Скоро пришел конец моему счастью. В один из лучших весенних дней степи меня одели и больше не сняли ни разу до тех пор, пока я не превратилась вот в то грязное отрепье, которое вы перед собой видите.

Мне очень стыдно перед вами. Я такая грязная, что вы теперь на мне не увидите ни одного цветочка, вы даже не заметите того, что я когда-то была красного цвета. Теперь я серая, жалкая тряпка. На мне несколько фунтов грязи, навозу и песку. Я сгораю со стыда, но должна сознаться, что в моих складках и швах не мало вшей, гнид и блох. Вы смеетесь, граждане судьи, а я... я плачу и умоляю вас, будьте ко мне снисходительны, я не виновата. Виновата моя хозяйка, грязнуха Зулей. Она в течение 6 месяцев, которые носила меня, не снимая с своих плеч, ни разу не захотела постирать меня в горячей воде с мылом и посушить на горячем солнышке. Когда я еще была крошкой, бабушка моя, белая мягкая вата, там, в складе на фабрике рассказывала нам, своим внучатам, что из нас, когда мы станем большими, сошьют красивые платья, будут нас холить, беречь, будут еженедельно стирать в горячей воде с мылом и, посушив на ласковом солнышке, овевая резвым ветерком, будут разглаживать нас утюгом, и мы вновь засияем молодостью и румянцем.

Не исполнились предсказания моей бабушки. Хозяйка моя, такая молодая, веселая и ласковая, оказалась невозможной грязнухой. Она подолом моим утирала себе нос, сальные закопченные котлы и чайники, утирала мокрые чашки после чая и кумыса, свои грязные руки, ноги, и своего обмаравшегося ребенка. Она мочила меня дождем, проливала на меня молоко, таскала кизяк (сухой навоз), маленьких ягнят... Ох, чего только я не перетаскала и не переносила, чего я только не испытала! И, наконец, я стала тем, что я есть сейчас, вонючей рванью, которую хорошая женщина постыдится постелить у порога, чтобы вытирать ноги.

Но моя хозяйка—плохая женщина, она грязнуха, лентяйка, она не стыдилась носить меня и в таком виде, она бы благополучно продолжала меня носить, если бы меня не арестовали во время культурного похода в день 8 марта и не привели сюда.

Граждане судьи, прошу вас, будьте ко мне милостивы, я не виновата, виновата во всем моя хозяйка, вот она здесь, в толпе, повесьте ее вместо меня на вешалку, притяните к ответственности, а мне... мне... дайте спокойно умереть, мне не долго уж осталось.

Котел рассказал почти то же самое. Его тоже не мыли всю жизнь. В нём варили чай, после чая мясо, после мяса бросали в него кости и выносили собакам, которые начисто вылизывали котел. После этого котел снова вносился в юрту и в него наливали молоко, тогда от грязи и разложения в котле разводились черви и он снова выносился собакам, которые его вылизывали. Так котел прожил около 10 лет и ни разу не видел себя чистым и светлым. Он хорошо служил своим хозяевам и хотя сейчас разбит, грязен и несчастен, но считает себя невиновным и просит привлечь к ответственности свою хозяйку Айшу.

Суд шел своим порядком, зрители посмеивались, обвиняемая кричала и плакала. Начались прения сторон. Прокурор (это я, стало быть, — сказала, улыбаясь, Нагиме) разгромила подсудимых. Я перечислила все несчастья и беды, которые могут причинить грязное платье и грязный котел. Говорила о сифилисе, о туберкулезе, о смертности детей и указала на то, что существование в нашей стране таких преступников грозит гибелью казакскому народу, сводит на-нет завоевания революции, угрожает социализму. Закончила тем, что потребовала от пролетарского суда высшей меры наказания для обвиняемых — сжечь платье и разбить котел. Публика ахнула.

Выступил защитник. Он признавал вину обвиняемых, но просил для них снисхождения. Суд удалился на совещание. Через 15 минут приговор суда был произнесен. При гробовом молчании всех присутствующих суд приговорил платье и котел к высшей мере наказания, но, принимая во внимание искреннее раскаяние подсудимых и их советское трудовое происхождение, заменить им высшую меру пожизненным пребыванием в исправительном доме (со строгой изоляцией).

Тотчас же после прочтения приговора я сошла с прокурорского места, прошла за стол и обычным тоном обратилась с речью к присутствующим. Я объяснила им смысл суда, своими словами пересказала заново показания подсудимых и особенно подробно остановилась на том вреде, который приносит нам антисанитарность в быту.

Суд произвел колоссальное впечатление. Еще долго по всем кочевкам рассказывали о нем, много смеялись и шутили над грязными платьями и посудой.

Наш бытовой кружок вырос вдвое, женщины стали посещать очень аккуратно, и когда мы впоследствии производили обход кибиток, мы уже не встречали такой грязи, как прежде.

В программу работы бытового кружка у нас входили вопросы и теории, и практики. После нескольких бесед о заразных болезнях, о вреде грязной посуды и белья (которые мы проводили при помощи волшебного фонаря), мы тут же производили практические занятия — учили женщин стирать белье, мыть посуду и убирать жилища. В день занятий кружка с утра Алтын кипятила горячую воду в нашей кухне. Дежурные из членов кружка помогали ей носить воду. Когда вода была готова, все выходили из «юрты», рассаживались в большой круг, Алтын ставила в круг свое корыто и показывала, как надо стирать. Если женщины не очень охотно брались за стирку белья, боясь, что оно будет рваться, то уже ни за что не хотели позволить кипятить белье. Они боялись, что оно, сгорит. Нам пришлось взять на себя ответственность за белье и заверить всех, что мы выплатим им за каждую сгоревшую вещь деньгами.

Мы также учили членов нашего кружка купать ребятишек. У нас есть специальная ванна для этого. Опять Алтын кипятила воду, мы хватали неистово орущих ребятишек, сажали их в ванну и отмывали с них вершковую грязь, мазали коросты на голове мазью, выводили насекомых. На это тоже казачки идут очень

неохотно. Они моют своих ребятишек в 5—6 месяцев раз — грех, говорят, мыть. Часто будешь мыть, счастье смоешь.

Мы учим женщин готовить пищу из тех продуктов, которые есть в степи, и теми способами, которые доступны в условиях кочевья. Мы показывали женщинам, как можно лучше сберечь молоко, как сделать хороший творог, масло и простоквашу. Мы учили женщин мыть посуду. Мы привозили из города алюминиевую посуду и старались доказать кочевникам преимущество этой посуды перед деревянной и кожаной посудой.

У нас были введены уроки кройки и шитья. Заведующая у нас умеет кое-что шить. Умеет кроить камзолы, женские платья (капоты, которые носят казаки), расшивать головные уборы, кроить и шить штаны и рубахи мужчинам, словом, самое необходимое. На уроке заведующая из бумаги делает выкройку, по ней кроют и остальные. Шьют то, что есть у каждого. Некоторые берутся шить чужое, учатся этому с увлечением. Машина у нас ручная, одна — и потому члены кружка шьют по очереди, одна шьет, другая в это время наматывает.

Но вы не забывайте, товарищи, что у нас есть еще сепаратор и маслобойки. Этот набор машин приносит нам большую пользу.

Хозяйственная работа

— Вы спрашиваете, как мы используем сепаратор, а вот как. Во время открытия «юрты» мы всем объявляем о сепараторе и показываем его. На другой день, вот как сегодня, мужчины приходят посмотреть его более внимательно. Когда соберется группа людей, мы раздобываем ведро молока и показываем, как работает сепаратор и подробно объясняем его хозяйственную выгоду. Мы даем присутствующим попробовать молоко и сливки, объясняем, что они будут пользоваться машиной бесплатно.

Через пару-тройку дней у сепаратора появляется 5—6 женщин с ведрами молока, постепенно количество их вырастает и сепаратор начинает работать регулярно утром и вечером ежедневно. Постепенно мы их учим обращаться с машиной и убирать, чистить ее. Пользуясь скоплением женщин возле сепаратора, мы проводим с ними беседы, как обращаться с молочными продуктами. Наибольший эффект производит то свежее, вкусное масло, которое дают сливки, сбитые в маслобойке. Наши кочевники никогда не видели хорошего масла. У них сливки прогнивают в кожаных

мешках и масло получается грязное с запахом. Качество этого масла настолько низко, что оно сбыта почти не имеет. А сепаратор увеличивает доходность скотоводческого хозяйства за счет сбыта сливочного масла хорошего качества.

Но наша задача заключается не только в том, что мы пропагандируем выгодность сепаратора. Мы добиваемся организации хотя бы маленького молочного коллектива для производства масла и сыра. Делается это таким образом. Когда окружающее население полностью поймет выгодность сепаратора, мы в нашем бытовом кружке начинаем говорить о том, что хорошо бы было коллективу женщин, которые сейчас ходят на сепаратор, иметь свою машину. Мы говорим им о том, что будем жить на этой долине месяца два — не больше. Когда уедем, сепаратор возьмем с собой, и опять кочевницам придется вернуться к старому. Против этого, обычно, протестовал весь кружок. Кто-либо из присутствующих вносил предложение продать сепаратор. Начинали спрашивать цену и вставали втупик перед невозможностью достать такое большое количество денег. Здесь мы энергично вмешивались в общий разговор и обстоятельно объясняли, каким образом можно получить машины в кредит. Постепенно, после двух-трех разговоров в кружке, мы сводили речь к организации маслодельческой артели и коллективной закупке сепаратора.

Подкупленные явной выгодностью всех наших предложений, кочевницы шли на организацию коллектива, собирали паевые взносы и задаток на машины, и я, захватив уполномоченного от будущей артели, отправлялась в районный центр оформить артель и закупить машины.

Вот в таких доступных нам формах мы проводим директивы XV съезда партии о коллективизации широких масс населения.

— Вы не делали попыток, товарищ, по примеру других республик, обложить часть середнячек из посещающих ваш сепаратор некоторой платой — фунт или два масла в неделю, — сказала я. — Делается это с общего согласия женщин после того, как они привыкнут посещать сепаратор. Средства, получаемые от этого обложения, скапливаются у определенного, выбранного собранием лица и составляют фонд при сепараторном коллективе. Когда же у коллектива, посещающего сепаратор, возникнет мысль организовать в артель и закупить сепаратор и всякие приспособления

к нему, то собранная сумма идет на членские взносы, покупку пая и если будет значительной, то и в качестве задатка на приобретение машины. Имея хотя бы маленькую накопленную сумму, легче приступить к организации артелей, легче провести сбор остальной суммы.

— Нет, товарищ, у нас такого опыта не было, но я считаю, что его вполне можно попытаться провести и у нас. Мы используем ваш совет на этой же стоянке. Я расскажу вам дальше о тех хозяйственного характера меропрятиях, которые мы проводили.

— Наша «юрта», — продолжала заведующая, — оказывала содействие населению в получении кредитов, помогала проводить кооперирование бедноты через фонды бедноты, мы иногда не отказывались даже сами принимать членские взносы и затем отвозить их в кооперацию.

Сейчас мы очень усиленно думаем над тем, как облегчить женщине производство шерсти. Как вам известно, очень большая часть времени казачки уходит на пряжу шерсти. Прядут они ее самым примитивным способом, без всяких приспособлений. Клок шерсти под плечо, большое тяжелое веретено в руку, — вот и все орудия производства казачки. Этим путем прядение шерсти продвигается очень медленно. Нужно как-то ускорить этот процесс, нужно поставить вопрос о прялке. Читали мы как-то в газетах, что изобретена механическая прялка; ну, до нее нам еще далеко, а вот простые прялки, на которых прядут русские крестьянки, мы бы не отказались приобрести для «юрты».

— Привьются ли они у вас здесь среди казачек?

— Я думаю, что привьются, перевозить их не трудно, а это бы очень ускорило и в известной мере облегчило женский труд. На прошлом совещании заведующих «красными юртами» т. Борисова говорила о том, что среди казачек будут организовываться ковровые артели. Я всей душой приветствовала бы это начинание. Ведь у кочевников уходит очень много шерсти на тяжелые и толстые войлоки, которые они употребляют и на покрывку кибиток, и вместо матрацов, ковров. Делать эти кошмы — каторжный труд.

На ковер шерсти уходит меньше, труд легче, ковры дорого ценятся на рынке и будут приносить крупный доход в хозяйство скотовода. Через ковер мы кооперируем женщину, будем ее учить грамоте, привлечем к общественности.

— А мастерицы-ковровщицы у вас есть? — спросила я у Борисовой.

— Мастериц мало. В некоторых районах их совсем нет, — ответила она. Но мы думаем создать курсы для ковровщиц, подготовить инструкторов и разослать их для организации ковровых артелей и инструктирования их.

— Будете организовывать ковровщиц, вы уж и о прялках не забудьте, — напомнила заведующая.

— Нам, повидимому, придется не прялки заводить, а организовать мастерскую для механической пряжи шерсти с шерстобойкой и красильней. Возможно, что нам удастся в крупнейших районных центрах создать одну-другую прядильную мастерскую, и мы сможем ковровщицам дать полуфабрикаты (окрашенную пряжу). Но это еще дело будущего. Пока же вернемся к нашей беседе о работе «юрты». Наш разговор очень затянулся, скоро 3 часа, нам надо ехать дальше. Что вас еще интересует, товарищ? — задала мне вопрос Борисова.

Агропро-
паганда.

— Расскажите, товарищ, еще о том, что вы делаете в области улучшения сельского хозяйства?

— Зимой в прошлом году мы организовали сельскохозяйственный кружок, — ответила заведующая. — Слушателями были, главным образом, мужчины. В программе стоял вопрос ухода за скотом, за молодняком, улучшение породы, сбор корма, борьба с джутом. Раз два нас посетил районный агроном, остальные занятия мы вели самостоятельно, пользуясь брошюрами, плакатами и волшебным фонарем.

— Вы себе ставили задачей — улучшить питание населения? Не пробовали ли вы организовать женщин для посадки огородов с тем, чтобы развести овощи и этим дополнить скудное питание казаков?

Мне ответила Борисова.

— Там, где наши «юрты» работают среди полукочевого населения, мы пробовали разводить огороды и они дают очень хорошие результаты. Организуем, обычно, коллективные огороды, сажаем самые простые овощи, — те, которые разводит русская часть населения Казакстана.

В полукочевых районах наши «юрты» помогают женщинам-беднячкам получить семсуды и организуют им общественную помощь при посевах. Словом, «юрты» наши ни от какой работы не отказываются и залезают во все поры общественной жизни своего района.

Теперь «красным юртам» необходимо взяться за подготовку женских масс к организации колхозов. По нашему Казакстану предполагается развернуть ряд крупнейших колхозов и совхозов, в которые прежде всего будут вовлечены бедняцкие слои скотоводов. Задача «красных юрт» развернуть самую широкую агитацию среди женских масс — за вовлечение в колхозы. Только в совхозах и колхозах можно будет создать условия для улучшения быта и условий труда женщин, развернуть широкую культурную работу и добиться фактического раскрепощения женщины-казачки.

— Расскажите нам еще о том, какую работу вы ведете вокруг медицинской консультации?

Медицинская консультация. Слово взяла т. Нагиме. — В консультации мы проводим прием 4 раза в неделю по утрам от 8 до 12 часов. На летних кочевках посещаемость бывает очень высокая. У меня есть данные за июнь месяц прошлого года. Посетило консультацию 157 чел., из них женщин 93, детей — 64. Посещают беременные и больные женскими, кожными и желудочно-кишечными болезнями; последнее наблюдается, главным образом, у детей. Среди посетителей 5% сифилитиков. Из беременных посещали консультацию систематически 16 женщин. За этот же месяц принято на дому двое родов.

— Как относятся к лечению ваши казачки?

— Вначале очень недоверчиво. Слабо посещают консультацию, не пьют лекарства, не выполняют указаний фельдшерицы. Вредят нам в этом деле местные лекари-знахари (бакша), у которых мы отбиваем кусок хлеба. Но стоит одному из посетителей на виду у всех поправиться от какой-либо болезни, как отношение сразу меняется к лучшему и работать становится легче. Поэтому мы так сильно и радовались вчерашним благополучным родам.

— Вы сказали, что принимаете в консультации 4 раза в неделю, а что делаете вы в остальные 2 рабочих дня недели?

— Один день у меня отведен для обязательных выездов в аулы. За месяц записано у меня 5 выездов. По положению я или другая фельдшерица, которая может быть на моем месте, выезжает в очередной аул и обходит все юрты. Она обследует санитарное состояние жилищ, обследует состояние здоровья населения, дает советы, попутно агитирует за посещение медицинской консультации. По положению устава «красных юрт» делегатки и члены кружков обязаны выполнять

основные правила гигиены и санитарии, обязательно мести пол, мыть посуду, стирать белье, ежедневно умываться и раз в неделю купать ребятишек. При обходах фельдшерица проверяет выполнение этих правил и нарушающих вгоняет в краску своими наставлениями. При выходах в аулы проводим оспопрививание, хотя на это дело население идет очень неохотно, но все-таки кое-что сделать удается, агитируем.

Это так называемые плановые обследования, но бывают и выезды внепланового характера — по срочному вызову на роды или при каких-либо несчастных случаях.

У нас остается еще один свободный день в консультации. В этот день я, обычно, веду кружковые занятия. В тех районах, где среди населения особенно сильно распространены венерические болезни, мы, обычно, стремимся создать специальный кружок по санитарии и гигиене. Мы сокращаем эти беседы в бытовом кружке и создаем специальный кружок. Основными вопросами программы мы ставим вопросы воспитания детей, женские и венерические болезни. Пособий для этого кружка у нас много — есть достаточное количество диапозитивов для волшебного фонаря, есть выставка-плакаты по охране материнства и младенчества и несколько брошюр. Посещаемость кружка бывает очень высокая, на некоторых беседах разрешаем присутствовать мужчинам, и они слушают очень охотно. Острые своей агитации в беседе мы очень часто направляем против знахарей, которые здесь лечат или вернее калечат людей, боремся с вредными обычаями и суевериями. Предполагаем как-нибудь поймать злого знахаря на каком-либо нечистом деле и провести над ним показательный судебный процесс, очень много зла они приносят населению — разоряют его, «залечивают» насмерть и сверх того морочат головы всякими пустяками, суеверия распространяют.

Стремимся мы также создавать спортивные кружки среди молодежи. Идут, главным образом, мальчики, которых мы вместе с комсомолом стремимся вовлечь в пионеры. Девочек втянуть очень трудно. Между тем они-то именно и нуждаются в физкультуре. Физически девочки-казачки развиты очень слабо. В хозяйстве они не несут тяжелой физической работы. Ходят за детьми, прядут, ткут и вообще ведут мало подвижную жизнь. Имейте в виду еще, что они рано выдаются замуж, и это окончательно подрывает их физическое развитие.

Мы предполагаем наш санитарный кружок преобразить в кружок первой помощи. Введем некоторые элементы гимнастических упражнений (маршировка, бег, повороты налево, направо) и привлечем большое количество девушек и молодых женщин. Мне кажется, что если бы «Красный Полумесяц» дал нам возможность иметь при «юртах» несколько комплектов костюмов для сестер и санитаров, хотя бы в виде комсомольских костюмов, то это бы привлекло наших девушек и парней. Их бы привлекали костюмы, аптечки и возможность получить те маленькие познания, которые дает кружок первой помощи и которые очень полезны в кочевках, где до фельдшерского пункта сотни верст.

— В Калмыцкой области, Бурято-Монголии и Ойратии санитарные кружки при «юртах» имеют наибольшее распространение, — вмешалась я. — В Калмыкии они своей задачей ставят не только борьбу с заразными болезнями и за лучшее воспитание детей, но и борьбу с камзолом. Вы, вероятно, слышали, что грудную клетку калмычки с детских лет (11—12 лет) затягивают, зашивают в нечто в роде корсета из тонкой кожи или грубого холста. Корсет этот она носит до первой брачной ночи, не снимая. В результате калмычка растет узкогрудой с предрасположением к туберкулезу. Камзол приносит очень большой вред населению и потому «юрты» усиленно борются с ним. Они по этой линии ведут большую агитационную работу среди девушек и их родителей. В тех же районах, которые я уже назвала, «юрты» борются с аракой—водкой, которую выгоняют из прокисшего молока. Не говоря уже о том, что женщина несет весь тяжелый труд по выгонке араки, вред араки еще в том, что ее пьют и женщины и дети и этим окончательно отравляют свой и без этого слабый организм. Борясь с аракой путем агитации, «юрта» наряду с этим стремится научить женщин улучшить питание семьи, употребив то молоко, которое идет на араку, на приготовление питательной и вкусной пищи. В Бурятии, под влиянием работы «красных юрт», Дома скотоводки *) и кочевых организаторов население очень охотно кладет русские печи **) и легко воспринимает те указания, которые делаются им в области улучшения пищи.

*) Дом скотоводки организован в Айгинском аймаке Бурятии, работает по типу Дома крестьянина, имеет постоянные курсы для буряток-скотоводок.

**) В Бурятии кочующее население имеет местные кочевые постоянные постройки, которые не переносятся, а стоят на месте.

— Что представляют собою кочевые организаторы, о которых вы сейчас сказали? — спросила меня Карамбаева.

— Это обычный платный женорганизатор, который работает в кочевом районе и регулярно об'езжает населенные пункты. Он имеет при себе библиотеки, волшебный фонарь и кучу всяких знаний в голове и с этим багажем, кочуя среди населения, ведет почти такую же работу, что и «юрта». Организует разные кружки, делегатские собрания, причем руководит ими почти всегда одна. В определенный день, на который назначено женское собрание, кочевой организатор верхом на лошади появляется в соответствующем населенном пункте и ведет там работу в течение 2—3 дней. В Бурятии их называют «будильником» женских масс, так как они будят сознание масс. Ваша заведующая «юртой» или фельдшерица тоже выезжают в аулы и тоже проводят там определенную агитационную и практическую работу, таким образом, они тоже выполняют некоторым образом роль кочевого женорганизатора.

— В других округах Казакстана они тоже как будто бы есть, но нам еще этот опыт неизвестен. Мы пока всецело занялись «юртами», — заметила Борисова — однако, думается мне, что и в наших условиях кочевой организатор был бы очень полезным и нужным человеком. Надо будет над этим подумать.

— Мы немножко отвлеклись от прямой темы нашего разговора. Может-быть, товарищ заведующая продолжит нам свой рассказ, хотя мы ее и очень утомили, — сказала я, глядя на заведующую.

— Что вы, товарищ! — запротестовала последняя. — Работы у нас сегодня мало, и я очень рада переговорить обо всем, чтобы привести свои мозги в порядок. Когда работаешь, очень мало времени для глубоких и долгих размышлений, закрутит работа. Теперь я расскажу о нашей работе по оказанию правовой помощи.

Мы с вами уже кое-что говорили об этом вчера и сегодня. Мне остается дополнить немногим. У нас существует стол справок. Почти ежедневно к нам приходят женщины и мужчины за справками, советами и с жалобами. Мы пишем заявления, даем раз'яснения и справки. Иногда приходят за 100—200 верст. Обычно мы регистрируем все случаи обращения в справочный стол. По моим записям с 15 января по 10 мая справочное бюро посетило 200 человек, из них 126 женщин. Основные вопросы, по которым обращаются, это —

развод, раздел имущества (большинство на основе многоженства), калым, налог и семссуда.

При «юрте» проходят сессии судов и организуются показательные суды на злободневные темы — калым, малолетнее замужество, многоженство. Суды привлекают огромное количество населения и имеют большое воспитательное значение.

К «юрте» прикрепляется народный судья. Он приезжает в «юрту» в определенные сроки, инструктирует нас по линии стола справок, проводит судебные процессы и ведет занятия с кружком народных заседательниц-женщин (иногда входят и мужчины). Кружок мы называем юридическим или правовым, он собирается довольно редко и знакомит своих членов с основными советскими законами, особенно с теми, которые затрагивают интересы женщин. В кружке женщина также узнает о правах и обязанностях народного заседателя.

Молодежь
и дети.

— Кое-что из этой области вам уже известно. Девушки и девочки вовлекаются в ликпункт и в различного рода кружки. Актив девушек при «юрте» вместе с комсомолом мы стараемся наберечь в комсомол. Для этого при «красных юртах» мы организуем группу девушек по подготовке в комсомол. Постепенно из этой группы на этой долине вырастает девичья ячейка комсомола. Кроме этого, наиболее способных мы стараемся отослать на учебу (действуем через женотдел и комсомол). За прошлый год мы вовлекли в КЛСМ — 14 девушек; маловато, правда, но у нас опыта не было, теперь пойдет легче.

Мы еще проводим специальную работу среди матерей за посылку девочек в школы 1-й ступени с интернатами, которые имеются в степях. Девочек в школы пускают очень неохотно, у них нет теплой одежды для поездок в школы и обратно, в результате в казакских школах процент девочек самый незначительный. А это никуда не годится. Поэтому мы обращаем особое внимание на то, чтобы помочь РайОНО наберечь девочек в школы. Что вас еще интересует, товарищ?

Батрачки.

— Важнейший момент в деятельности «красных юрт» — это работа с батрачками — как у вас с этим вопросом дела обстоят? — спросила я.

— Очень плохо. К специальной работе среди них только приступили. Вовлекаем батрачек в делегатские собрания, в ликбез, в различные кружки. Всячески содействуем посылке их на различного рода курсы — трактористов, совхозных рабочих, профсоюзных ра-

ботников и т. д. Вовлекаем в советы, в партию, помогаем кооперировать. Специально выявляем батрачек и списки передаем в Рабземлес, но в отношении защиты их экономических прав мы почти ничего не делаем. Нужно было бы их вовлечь в профсоюзы, помочь в заключении договоров с хозяевами, но пока мы очень слабо связаны с местным работников земли и леса. Мы многого еще не сделали. Но это у нас на очереди.

Работа с активом и закрепление работы.

Я вам уже рассказывала, как мы работаем с народными заседательницами. Скажу несколько слов о членах совета. Мы вовлекаем их в ликбезы и раз в месяц созываем на совещания советниц. Следим за их практической работой, помогаем им в работе. Весной проходила отчетная кампания перед перевыборами советов. На нашей стоянке было 3 члена аулсовета, одна из них заместитель председателя аулсовета. Пришло ей время отчитаться перед избирателями, и она прибежала к нам за помощью. Она принесла с собой несколько листков светлой оберточной бумаги с какими-то черточками и рисунками. Оказывается, это был «письменный отчет».

Надо вам сказать, что она была женщина совершенно неграмотная, но на этот важнейший случай жизни она раздобыла карандаш и бумагу и составила отчет. И какой отчет! Мы диву дались, когда она начала нам рассказывать о том, что в этом отчете было. Четырехугольник с двумя палочками с одного конца и четырьмя внизу изображал того племенного быка, который аулсовет достал для своего аула. Две длинные и неровные черточки изображали арыки, которые они прорыли общественным порядком в прошлом году. Много, много кружочков с двумя палочками снизу изображали школу (детей), которая была построена в районе аулсовета. Большое количество единиц, изредка перемежающиеся крестиками и поперечными черточками, означали сложные исчисления недоимок по сельскохозяйственному налогу. Много чудес было в этих листочках оберточной бумаги, изображавших тезисы по отчету неграмотного зампреда аулсовета своим избирателям. Целых 2 дня провела бедная женщина — аульное начальство — над этими начертаниями иероглифов, хорошо запомнила их и нас пришла спросить только о порядке своего отчета. «Про что прежде сказать, про что после, про корову или школу?». Вот какие чудеса бывают в наших степях! А что, если бы эта женщина была грамотной по-настоящему, с ее сообразительностью и несомненно острым умом она бы вы-

двинулась в число талантливейших работников. Мы ее, конечно, взяли на учет, втянули в ликпункт, сообщили о ней Борисовой, ее надо выдвигать.

На совещаниях советниц мы совместно с председателями аулсоветов обсуждали практические задачи, стоящие перед советами, и подготавливали женщин к этой практической работе. Но благодаря тому, что советы у нас работают очень плохо и секций нет, женщины очень слабо вовлечены в работу советов. Недавно мы от вас, т. Борисова, получили указания об организации бытовых секций. Думаем попробовать заняться этим. Хотя других секций и нет, мы все-таки попробуем организовать бытовые секции. В этом году женщин выбрано в советы много, начнем секционную работу хотя бы с женщин. Посмотрим, что выйдет. Бытовые секции должны сильно помочь нам в работе «красной юрты», а «юрта» поможет секции, так как задачи работы секций очень тесно соприкасаются с работой «юрты». Только «юрта» — политпросветучреждение, а советы и секции при них — административный орган.

— Скажите об активе и вербовке в партию, — попросила т. Борисова.

— Во всех кружках и всей нашей работе мы очень тщательно следим за учетом актива (не только занесением его в списки, не в этом главное, следим за выявлением этого актива). Мы ведем поименный учет активисток и ведем с ними некоторым образом особую работу. Созываем их тогда, когда нужно подготовить женскую массу к каким-либо кампаниям и новшествам в работе среди женщин. Мы особо внимательно следим за ними на занятиях кружков и стараемся, так или иначе, приобщить их к какой-либо практической работе. Мы учитываем их склонность и способности к определенной общественной работе. Лучших стараемся вовлечь в партию, хотя этому и мешает отсутствие подручителей на местах. Списки активисток с краткой персональной оценкой их мы направляем к районному организатору для их дальнейшего использования. Сами мы тоже стараемся держать связь с нашими активистками, хотя это почти невозможно. С грамотными из них мы переписываемся, посылаем им газеты и журналы.

— А когда вы уезжаете, что от вас остается?

— К сожалению, это очень и очень большой и пока еще неразрешенный вопрос в работе «красных юрт», — ответила мне Борисова. — Сейчас мы занялись этим вопросом. Кое-что у нас уже намечается. Не-

сколько крупных юрт за время стоянки будут организовывать в своем районе красные уголки. Создадим 1—2 уголка там, где есть партиец или хотя бы комсомолец. В уголке будут плакаты, журналы и книжки. Можно будет путем самостоятельности населения купить в уголок какую-либо машину (швейную или сепаратор). Вначале для работы в уголке придется периодически выезжать одному из работников «юрты» и постараться сколотить актив вокруг уголка. Заведывать, хранить уголок—прикрепить какую-либо активистку из «красной юрты». Сам уголок развернуть в ее жилой юрте на определенный промежуток времени. Вот этот уголок должен остаться культурным наследством «юрты», и через его актив можно будет в дальнейшем поддерживать связь и вести работу среди женщин. Уголок очень облегчит работу среди женщин местной партийной ячейке и комсомолу. Он будет базой, на которой разовьется дальнейшая работа среди женщин. Вот что мы намечаем по закреплению результатов работы «красной юрты» в кочевьях. Посмотрим, что выйдет. Если наша «юрта» сумеет провести серьезную предварительную работу, то должно выйти что-нибудь.

— Выйдет, конечно выйдет. Поработаем, иначе и нам обидно — уедешь, память о тебе зарастет мохом, — сказала заведующая. — Постоим за себя, только вы нам покрепче помогайте.

— А теперь, товарищи, в дорогу, — сказала Карамбаева, вставая. — Наш «шайтан-арба» уже готов в путь и рычит от нетерпенья побежать в степные дали. Живей, товарищи!

Мы поднялись, оделись и, сердечно простившись с работниками «юрты», направились к нашей машине.

— Куда укочуете отсюда, — спросила я заведующую, еще раз пожимая ей руку на прощанье.

— На ярмарку в Кара-Калы, поработаем в мировом масштабе! Туда и китайцы, и персы приезжают, покажем, как советская власть раскрепощает женщину!

Последние слова донеслись до нас чуть слышно. Машина помчалась по дороге. От первой образцовой «юрты» округа мы поехали к другим, менее образцовым женским «красным юртам».

Стоят они в степях и пустынях Казакстана, плещут гордыми красными знаменами навстречу солнцу. Кочуют «юрты» по бесчисленным кочевьям, забираются в самые глубины горных складок — здесь они первые гонцы побеждающей степь новой жизни.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стр.</i>
От автора	3
I. Задачи «юрт»	5
II. Организационные вопросы в работе «юрт»	10
III. Открытие «юрты»	24
IV. Содержание работы «юрты»	29

274/31

ИЗБ. 1953